

Ральд Даль

ROALD DAHL

ДЖЕЙМС И ЧУДО-ПЕРСИК

СКАЗОЧНИК
№ 1
В МИРЕ

Иллюстрации Квентина Блейка

ЗНАКОМЬТЕСЬ...

Джеймс
Генри
Крузо

Тетя Пика,
тетя Плюха

Старый
Зеленый
Кузнечик

Многоног

Мисс
Паук

Шелковичник

Червяк

Жук-Светляк

Божья Коровка

James ^{and} the Giant Peach

Illustrated by
Quentin Blake

PUFFIN BOOKS

Роберт Дале

ROALD DAHL

ДЖЕЙМС И ЧУДО-ПЕРСИК

Перевод с английского
Елены Суриц

Иллюстрации
Квентина Блейка

Москва 2017 Самокат

УДК 821.111-34-93 /Даль Р.
ББК 84(4Вел)-4
Д15

Серия «Роальд Даль. Фабрика сказок»

Даль, Роальд.
Д15 Джеймс и Чудо-Персик: [для сред. шк. возраста] /
Роальд Даль ; пер. с англ. Елены Суриц ; ил. Квентина Блейка ;
[предисл. Ольги Мязотс]. — М. : Самокат, 2017. — 176 с. : ил. —
(Серия «Роальд Даль. Фабрика сказок»). — Доп. тит. л. англ. —
ISBN 978-5-91759-548-1.

У Джеймса Генри Круиза погибают родители, и с этого момента его жизнь круто
меняется. Он перевозится к своим тетям — Пике и Плюхе, которые заставляют его
работать круглыми сутками, не кормят и всячески унижают. Мальчик несчастен.
Но однажды с ним приключается немыслимо странная вещь, в результате чего на
периковом дереве во дворе вырастает гигантский Чудо-Персик. И тут начинаются
приключения! И Джеймса ждут настоящие друзья, которые помогут ему осуще-
ствить заветные мечты.

УДК 821.111-34-93 Даль Р.
ББК 84(4Вел)-4

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с письменного
согласия издательства. Защита прав и интересов ИД «Самокат»:
ООО Юридическое агентство «Копирайт», www.juragent.ru.

This edition published by arrangement with David Higham
Associates Ltd and Synopsis Literary Agency.

This edition published by arrangement with
A P Watt Limited and The Van Lear Agency.

James and the Giant Peach –
Copyright © Roald Dahl Nominee Ltd., 1961
Illustrations Copyright © 1995 by Quentin Blake
© Суриц Е.А., перевод на русский язык, 2012
© Мязотс О.Н., предисловие, 2012
© Издание на русском языке.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2017

ISBN 978-5-91759-548-1

Бесстрашный Роальд Даль

Книги английского писателя Роальда Даля (1916–1990) вот уже более полувека прочно удерживаются в списке бестселлеров не только в англоязычных странах, но и по всему миру. Его детские произведения, пронизанные духом бунтарства и буйной фантазией автора, просто обожают юные читатели.

Взрослые это пристрастие никогда особенно не одобряли. И неудивительно: детский бунт в книгах Даля всегда направлен против мира взрослых — неуютного для ребенка, жестокого и лицемерного. С первых же книжек заподозрив в Дале опасного врага, взрослые — учителя, критики, родители — ополчились на «вредного» писателя, но отрицать его очевидного таланта не могли. «Ни один современный детский писатель не может сравниться с Роальдом Далем в смелости, увлекательности, грубости и веселье», — писали критики. Его сравнивали с Дудочником из Гамельна, который, как гласит легенда, увлек своей дудкой все детское население этого немецкого городка... неизвестно куда. Зато известно, от чего он их увел — от скуки «добропорядочной» бюргерской жизни, от мещанского лицемерия, глупости и жадности. Сравнение-то оказалось точным!

Но для Даля книги для детей не были ни забавой, ни литературным хулиганством. Он написал их 17 — и в каждую вложил душу и привнес (в доступной детям форме) свои размышления о жизни, веселой и трагической одновременно.

Биография писателя не менее увлекательна и поучительна, чем его книги. Жизнь Даля была полна головокружительных и опасных приключений, удивительных побед и трагических поражений.

Роальд Даль родился 13 сентября 1916 года в Уэльсе. Его родители — норвежцы, переселившиеся в Великобританию. Когда мальчику исполнилось четыре года, умер отец. Это было первое жизненное испытание, за которым последовало много других. Но, может быть, самым серьезным из них, определившим и судьбу, и писательскую позицию Даля, стали годы, проведенные в печально известных своими жестокими порядками закрытых британских школах. Позже он назвал эти школы «величайшей пыткой в мире». Знаменитая мисс Транчбуль, мучившая Матильду, — вовсе не художественное преувеличение, а лишь реванш за детский страх и унижения. В школьные годы были отмечены успехи Роальда в спорте, но одновременно ему было прямо указано на полное отсутствие у него литературных способностей. На одном из школьных сочинений учитель написал: «Никогда не встречал ученика, который бы умудрялся писать полную противоположность тому, что думает. Он не в состоянии изложить на бумаге свои мысли».

Зато карьера после школы начиналась блистательно: Даль поступает на службу в нефтяную компанию «Шелл» и отправляется... в Африку!

В 1939 году начинается Вторая мировая война, и Даль становится военным летчиком. Позже он шутил, что выбрал военную авиацию потому, что служба во флоте требовала долгих отлучек из дома, а пехота предполагала

слишком много маршировки. Увы, Даль вскоре попал в аварию, его самолет сгорел, а сам он угодил на больничную койку с тяжелейшими ранениями, которые давали о себе знать еще долгие годы.

В 1942 году Роальд Даль переходит на службу... в британскую разведку и отправляется в США. Да-да, он был самым настоящим шпионом под прикрытием, что впоследствии помогло ему написать сценарий для одного из фильмов о Джеймсе Бонде. Там же, в США, Даль начинает писать, и к нему приходит первый успех. Вначале книги Даля были изданы именно в США и лишь с отсрочкой на несколько лет появились в Великобритании.

В Америке Даль сумел завести знакомство со многими знаменитостями — Эрнестом Хемингуэем (который в значительной степени повлиял на формирование литературного стиля молодого писателя), Джоном О'Хара, Леонардом Бернштейном и популярной актрисой Патрицией Нил, ставшей затем его женой. У них родилось пять детей. Но семейная жизнь Даля не была безоблачной, в ней было немало горьких и даже трагических моментов. Однако писатель обладал не только стойкостью и мужеством, но и удивительной способностью извлекать «полезное и доброе» из самых жестоких испытаний. Так, борясь с тяжелой болезнью мозга, поразившей его сына Тео, Даль изобрел уникальный клапан, который помогал удалять лишнюю жидкость. Писателю пришлось пережить смерть дочери и тяжелейшую болезнь жены: Патриция долгие годы была парализована, но все же смогла найти в себе силы (при огромной поддержке мужа) и побороть недуг. Роальд Даль, сам изведавший горе и отчаянье, стремился помочь оказавшимся в беде

людям. Он организовал Фонд помощи больным с неврологическими и гематологическими заболеваниями, который существует и поныне.

Зная стойкость и мужество Даля, не удивляешься тому, что именно в самый мрачный период жизни он писал веселые детские книги — «Чарли и шоколадная фабрика», «Джеймс и Чудо-Персик». Его герои — дети-бунтари, восстающие против тирании и косности взрослых. Их протест порой принимает довольно жестокие формы, что не может не ранить «тонкие души» взрослых, а дети искренне, как и Даль, считают, что можно и нужно бороться за восстановление справедливости, используя оружие, которым блестяще владеет их любимый автор, — собственную фантазию. Роальд Даль умеет как никто другой поддержать в детях веру в свои силы и, не делая скидки на возраст, требует от них эти силы использовать — во имя правды, чести и добра.

Счастливой встречей стало знакомство писателя с английским иллюстратором Квентином Блейком, графический стиль которого — жизнерадостный, гротесковый и динамичный — наилучшим образом соответствует духу книг Даля. Именно Блейк создал иллюстрации к самой любимой книге Даля — повести о Большом и Добром Великане «БДВ». Квентин Блейк проиллюстрировал все детские книги Роальда Даля — именно с его иллюстрациями они сегодня выходят в издательстве «Самокат».

*Ольга Мязотс,
заведующая отделом детской литературы
Библиотеки иностранной литературы им. Рудомино,
переводчик, литературный критик*

*Эта книга —
для Оливии и Тессы*

Первые четыре года у Джеймса Генри Круизо была счастливая жизнь. Он жил себе с мамой и папой в прелестном доме на берегу моря. К его услугам всегда было полно других детей, с которыми он мог играть, пляж, по которому он мог бегать, и море, в котором он мог купаться. О лучшей жизни ребенку и мечтать не приходится.

Но вот однажды мама и папа Джеймса отправились в Лондон за покупками, и тут произошла ужаснейшая история. Оба были неожиданно съедены — представляете себе, среди бела дня, на глазах у изумленной публики — огромным злым носорогом, сбежавшим из Лондонского зоопарка.

Ну, нечего и говорить о том, как это ужасно сказалось на обоих столь нежных и мягких родителях. Но в конечном счете Джеймсу повезло еще гораздо меньше, чем им. Их-то неприятности тут же и кончились. Ровно через тридцать пять секунд они навек перестали огорчаться. А у бедного Джеймса, наоборот, неприятности только начались. Абсолютно живой, он вдруг оказался один-одинешенек в огромном неприветливом мире. Прелестный дом на морском берегу пришлось сейчас же продать, и Джеймса с чемоданчиком, в котором ничего не лежало, кроме пижамки и зубной щетки, отправили к двум тетушкам.

Звали их тетя Пика и тетя Плюха, и — увы! — должен признаться, обе были препротивнейшие особы. Две эти злые ленивые эгоистки с самого начала стали обижать и бить бедного Джеймса почти ни за что. Никогда они его не называли по имени, а обращались к нему не иначе как «Эй ты, хулиган», или «Эй ты, негодяй-мальчишка», или «Эй ты, дурак несчастный», и уж конечно, они ему никогда не дарили ни игрушек, ни книжек с картинками, так что ему и поиграть было нечем, и разглядывать было нечего, и комната у него была голая, как тюремная камера.

Жили они — тетя Пика, тетя Плюха, ну а теперь еще и Джеймс с ними вместе — в нескладной

такой развалюхе на вершине высокого холма на юге Англии. Холм был до того высокий, что почти с любого места в саду открывался вид на живописные леса и поля. А в особенно ясную погоду, если смотреть в точности туда, куда нужно, Джеймс различал крошечную точку на горизонте — и это был тот самый дом, где он раньше жил со своими дорогими родителями. А прямо за этой точечкой он видел море — длинную тоненькую темно-синюю полосу, как чернилами выведенную по самому краю неба.

Но Джеймсу никогда не доводилось спускаться с холма. Ни тетя Пика, ни тетя Плюха ни разу не удосужились взять его с собой

на пикник или на прогулку, а одного его, конечно, никуда не пускали. «Лучше держать этого хулигана от греха подальше», — постановила тетя Пика. И его обещали строго наказать, например, на целую неделю оставить в погребе с крысами, если он посмеет хотя бы залезть на забор.

Сад, покрывавший всю вершину холма, был большой и запущенный, и всего-то в нем и росло, не считая нескольких пыльных лавров в дальнем углу, одно-единственное старое-пре-старое персиковое дерево, уже давно не приносящее никаких персиков. Не было в саду ни качелей, ни гигантских горок, ни песочницы,

и — никогда! — никого! — из других детей не приглашали поиграть с бедным Джеймсом. Даже ни кошки не было, ни собачки — полное одиночество. А время шло и шло, и Джеймс делался все печальней, все больше скучал и каждый день часами простаивал в глубине сада, с тоской глядя на дивный, запретный мир лесов, полей и вод, волшебным ковром расстилавшийся перед ним.

2

Так жил Джеймс Генри Крузо со своими ужасными тетушками целых три года, пока наконец однажды утром с ним не приключилась довольно странная вещь. И вещь эта, которая, как я сказал, была всего лишь *довольно* странная, скоро привела к другой, которая была уж очень даже странная. А эта *очень даже странная* вещь, в свою очередь, вызвала прямо-таки *немыслимо* странную вещь.

Началось все это безумно жарким днем в разгаре лета. Тетя Пика, тетя Плюха и Джеймс были в саду. Джеймса, как всегда, нагрузили работой. На сей раз он должен был колоть щепки для растопки кухонной плиты. А тетя Пика и тетя Плюха уютно устроились в шезлонгах поблизости, потягивали шипучий лимонад из больших стаканов и следили, чтобы Джеймс ни минуты не отдыхал.

Тетя Плюха была низенькая и до невозможности толстая. У нее были крошечные свинные глазки, рот жирным бантиком, а лицо такое белое и пухлое, как будто его слишком долго варили и переварили. И вся она была как громадный, белый, вялый, переваренный кочан капусты. Тетя Пика, наоборот, была тонкая, длинная и костлявая, и она носила очки в стальной

оправе, закрепляя их зажимом на кончике носа. Голос у нее был скрипучий, рот длинный, узкий, и стоило ей разозлиться или разволноваться, она начинала при каждом слове брызгать слюной. И вот две эти кошмарнейшие карги сидели, потягивали лимонад и то и дело покрикивали на Джеймса, чтобы он живее, живее, живее колот щепки. А еще они рассказывали друг дружке о себе, и каждая говорила о том, как она прекрасна. Тетя Плюха держала на коленях зеркальце с длинной ручкой и то и дело поднимала его к глазам и разглядывала свою отвратительную физиономию.

«Мой вид и запах, я скажу,
не хуже, чем у роз! —
сказала Плюха. —
Погляди на мой чудесный нос!
На дивные мои глаза!
На сказочные волосы
И на волшебный рот!»

А Пика ей: «Но вот вопрос —
Как спрятать твой живот?»

Тут Плюха в слезы. Пика ей:
«Ну, посуди сама!
Что ты в сравнении со мной,
С моей чарующей красой?»

Меня прекрасней в мире нет,
Я общей зависти предмет,
Я всех свожу с ума!»

«Кто спорит, — Плюха ей в ответ. —
Скелет и есть скелет.

Такой красавице, как я,
дорога в Голливуд! —
Вскричала Плюха. —
Там меня с руками оторвут!
Я золотом набью карман,
Милльон сердец возьму в капкан,
Что звезды? Я займу экран!
Я покажу им класс!»

«Да, — был ответ, —
роль ждет тебя.
И это Фантомас».

Бедный Джеймс все мучился над своей колодой. Жара была просто невыносимая. Он обливался потом. У него разболелось плечо. Топор был большой и тупой, и чересчур тяжелый для такого маленького мальчика. И Джеймс, не переставая работать, задумался обо всех других детях на белом свете и о том, что они, наверно, сейчас делают. Кто-то катается по саду на трехколесном велосипеде. Кто-то гуляет по прохладному

лесу и собирает цветы. А все его прежние маленькие друзья, конечно, на пляже, играют в мокром песочке или бултыхаются в море.

Крупные слезы закипели в глазах у Джеймса и покатались по щекам. Он опустил топор и облокотился на колоду, не в силах побороть тоску.

— Что это с тобой? — проскрипела тетя Пика, уставившись на него поверх стальных очков.

И тут Джеймс уж совсем расплакался.

— Немедленно прекрати реветь и продолжай свое дело, разгильдяй! — крикнула тетя Плюха.

— Ой, тетя Плюха! — прорыдал Джеймс. — И тетя Пика! Может, мы все втроем — *ну пожалуйста!* — съездим хоть разок на автобусе к морю? Это ведь совсем недалеко... А мне так жарко, так плохо, так скучно...

— Ах ты негодяй, ах ты ничтожество! — заорала тетя Пика.

— А ты его поколоти! — крикнула тетя Плюха.

— И поколочу, и поколочу, не волнуйся, — огрызнулась тетя Пика. И она уставилась на Джеймса, а Джеймс на нее — большими испуганными глазами. — Я тебя поколочу несколько попозже, когда мне не будет так жарко, — добавила она. — А пока убирайся с глаз моих долой, дай хоть немного от тебя отдохнуть!

Джеймс повернулся и побежал. Он мчался со всех ног и добежал до дальнего угла сада, где тесно росли те самые пыльные лавры, о которых мы уже упоминали. И там он закрыл лицо руками и горько-горько расплакался.

И вот тут-то с ним и случилась та самая первая вещь, та *довольно* странная вещь, которая привела ко всяким *гораздо более* странным вещам.

А именно: прямо у себя за спиной Джеймс вдруг слышал шорох листьев. Он оглянулся и увидел, как из-за лавровых кустов вышел

старичок в смешном темно-зеленом костюме. Был этот старичок маленький-маленький, зато голова у него была очень большая, а все лицо заросло черной густой бородой. Он остановился в трех шагах от Джеймса и стоял, опираясь на тросточку и пристально его разглядывая.

Наконец он заговорил — медленно-медленно, хриплым голосом.

— Подойди ко мне, мальчик, — сказал старичок и пальцем поманил Джеймса. — Подойди поближе. Я покажу тебе кое-что *чудесное*.

Но Джеймс от страха не мог шелохнуться.

Тогда старичок сам подковылял чуть поближе, сунул руку в карман и вытащил оттуда белый бумажный кулек.

— Видишь? — шепнул он, осторожно поводя кульком перед глазами Джеймса. — Знаешь ли ты, что это такое, мой милый мальчик? Знаешь ли ты, что в этом кулке?

А потом он подошел к Джеймсу совсем вплотную и так приблизил к нему лицо, что Джеймс почувствовал его дыхание. И пахнуло на Джеймса холодом и чем-то таким затхлым, заплесневелым, как из старого погреба.

— Взгляни же, мальчик, — сказал новый знакомый Джеймса, открыл кулек и чуть-чуть его наклонил. И Джеймс увидел в кулке великое множество зеленых крошечных шариков, не то камешков, не то зерен, и каждый шарик

был примерно с рисинку величиной. И были они невероятно красивые и неслыханно яркие, и как будто излучали какое-то сказочное сияние. — Ты только послушай! — шепнул старичок. — Послушай, как они шевелятся.

Джеймс смотрел-смотрел на кулек и вдруг — в самом деле! — различил странный, едва уловимый шорох, а потом увидел, что тысячи этих зеленых шариков медленно, очень медленно шевелятся, вертятся, приближаются один к другому и отдаляются снова, как будто они живые.

— Эти шарики содержат больше волшебной силы, чем все остальное в мире, вместе взятое, — тихо произнес старичок.

— Но... но... что же это такое? — выговорил Джеймс, наконец-то овладев голосом.

— Хе-хе, — шепнул старичок. — Тебе в жизни не догадаться!

Он слегка согнулся и наклонялся к Джеймсу все ближе, ближе, пока — буквально! — не ткнул его кончиком носа в лоб. Потом он вдруг отскочил и принялся, как безумный, размахивать тросточкой.

— Крокодильи языки! — кричал он. — Тысячу длинных, гадких, крокодильих языков кипятить двадцать дней и ночей в черепае мертвой ведьмы вместе с глазами ящерицы!!! Затем добавить пальцы молодой обезьяны, желудок пожилой

свиньи, клюв старого зеленого попугая, сок дикобраза и три столовых ложки сахара. Затем еще неделю тушить на медленном огне, а луна довершит остальное!

И вдруг он сунул этот свой белый кулек Джеймсу в руки и сказал:

— На! Бери! Это тебе!

Джеймс Генри Круизо стоял, зажав в руке белый кулек, и во все глаза глядел на старичка.

— Ну вот, — сказал старичок. — А теперь послушай, что тебе делать. Всего-то и надо взять большую кружку воды и высыпать туда все эти зеленые шарики. Потом, не спеша, постепенно, добавь туда десять собственных волосков. И процесс пойдет! И все! И достаточно! Через несколько секунд вода вспенится, забурлит, и тут-то ты и должен ее выпить — мигом, одним глотком, всю до дна. И тогда, о, тогда, мой мальчик, ты почувствуешь, как она кипит у тебя в желудке, изо рта у тебя пойдет пар, и сразу же после этого с тобой станут происходить самые невероятные вещи, самые сказочные, самые немыслимые чудеса, и никогда, никогда в жизни ты больше не будешь несчастным. Ты же несчастный мальчик, ведь правда? Можешь не отвечать. Я сам про тебя все знаю! Ну а теперь ступай и сделай, как я сказал. Только смотри не рассыпь эти зеленые шарики! Потому что, если ты их рассыплешь, их волшебная сила уйдет на какого-то другого вместо тебя! А ведь ты такого не хочешь, правда, мальчик? *Что им первое попадется — будь то хоть клоп, словом, насекомое ли, животное, дерево, — на то и подействует волшебная сила!* Так что — покрепче

держи кулек! Не порви бумагу! Ну, иди же! Скорей! Не медли! Пора!

5

И мига не прошло, а Джеймс уже со всех ног мчался к дому. Все эти штуки надо проделать на кухне, соображал он на бегу. Только бы тетя Плюха и тетя Пика не застукали! Он ужасно, ужасно волновался. Он бежал по высокой траве, через заросли жгучей крапивы, и нисколько не беспокоился, что так ведь можно обстрекать голые коленки, и краешком глаза видел тетю Пику и тетю Плюху — они сидели в своих шезлонгах, спиной к нему. Он метнулся в сторону, чтоб их обогнуть и незаметно пробраться к дому, но вдруг, пробегая мимо старого персикового дерева посреди сада, обо что-то споткнулся и ничком плюхнулся в траву. Кулек упал, развернулся, и тысячи зеленых шариков разлетелись во все стороны!

Джеймс поскорей встал на четвереньки, чтобы собрать свои бесценные сокровища. Но что это? Все шарики исчезли — тут же! — исчезли! Он так и видел — буквально! — как они ввинчиваются, зарываются, вдавливаются в твердую землю. Он пробовал их удержать, пока не поздно, но они увертывались у него из-под пальцев. Кидался к одним шарикам, к другим — без толку! Уж он

ползал, уж он вертелся волчком, сам не свой, но ничегошеньки-то у него не получалось. Только протянет руку к шарiku — тот исчезает в земле. И вскоре — не прошло и нескольких секунд — ни единого шарика не осталось!

Джеймсу очень хотелось расплакаться. Все пропало, все погибло, все кончено! Никогда, никогда, никогда ему больше не видать тех шариков!

Но куда же они подевались? Почему, почему они так устремились вниз? Зачем? Там же, внизу, — там ничего нет! Разве что корни старого персикового дерева... Ну, и еще всякие червяки, многоножки, жучки-паучки...

Так-то оно так, но — что говорил старичок? *Что им первое попадется — будь то хоть клоп, словом, насекомое ли, животное, дерево, — на то и подействует их волшебная сила!*

«Господи! — подумал Джеймс, — что же будет, если им и вправду первым делом попадется червяк? Или многоножка? Или паук? Или вдруг они проникнут в корни нашего старого персикового дерева?»

— А ну вставай, лодырь! — раздался вдруг голос над самым ухом у Джеймса. Он поднял глаза и увидел, что тетя Пика, длинная, тощая и злая, смотрит на него сквозь свои стальные очки. — Живо иди щепки колоть! — приказала она.

Тетя Плюха, толстая и дряблая, как медуза, прошлепала к сестре — посмотреть, что такое случилось, и помочь ей советом.

— Может, посадим его в бадью, спустим в колодец и оставим там ночевать? — предложила она. — Сразу небось отучится по целым дням лоботрясничать.

— Роскошная идея, милая Плюха. Только сперва пусть нам щепок наколет. А ну, живо убирайся отсюда, негодяй, и займись ты хоть чем-нибудь, наконец!

Медленно и грустно бедный Джеймс поднялся и побрел к дровам. Ах, ну почему он упал и уронил драгоценный кулек! А теперь никаких, никаких надежд на лучшую жизнь у него не осталось. Сегодня, завтра, послезавтра, послепослезавтра, и так без конца — ничего, ничего не будет, только побои, обида, боль, пинки, тумачи, отчаяние и невзгоды.

Он взял в руку топор и собирался было снова приняться за работу, как вдруг услышал у себя за спиной такой крик, что даже вздрогнул.

6

— Плюха! Плюха! Ну Плюха же! Иди скорей сюда! Смотри!

— На что смотреть-то?

— На персик! — вопила тетя Пика.

— На что?

— На персик! Персик! Во-о-он! На самой верхней ветке!!! Неужели не видишь?

— Ты, конечно, ошибаешься, моя милая Пика. На этом несчастном дереве в жизни никаких персиков не росло.

— Ну, а сейчас выросло!

— Дразнишься ты, что ли, милая Пика? Хочешь, чтоб у меня слюнки потекли, да? Господи, да это дерево и не цвело никогда, куда ему плоды приносить! На самой верхней ветке, говоришь? Абсолютно ничего там не вижу. Хотя... Постой... Да это же... О боже! Держите меня! Действительно — персик!

— А какой большущий! — и тетя Пика облизнулась.

— Прелесть, прелесть! — вскрикнула тетя Плюха.

Тут уж Джеймс тихонько положил топор, оглянулся и посмотрел на своих тетушек, стоявших под старым персиковым деревом.

«Сейчас, сейчас что-то будет, — сказал он сам себе. — Сейчас случится что-то необыкновенное».

Он понятия не имел, что это будет такое, но твердо знал: что-то сейчас случится. Это носилось в воздухе. Это чувствовалось по всему... по наступившей вдруг тишине, по насторожившемуся саду...

Тихонько, на цыпочках, Джеймс подошел к дереву поближе. Тетушки уже не разговаривали. Стояли, смотрели на персик. Сад замер — ни шороха, ни ветерка, — и с лазоревой высоты глядело на все на это жаркое солнце.

— По-моему, он совсем спелый, — наконец нарушила молчание тетя Пика.

— Так почему бы нам его не скушать? — поддержала ее тетя Плюха, жадно облизываясь. — Разделим

его пополам, а? Эй ты, Джеймс! Иди-ка сюда и полезай на дерево.

Джеймс послушно подбежал.

- Я желаю, чтобы ты сорвал во-о-он тот персик — на са-а-амой верхней ветке, — продолжала тетя Плюха. — Видишь?

— Да, тетя Плюха, вижу!

— Только не вздумай его пробовать. Мы с тетей Пикой решили сейчас же скушать его пополам. Ну, что же ты! Полезай!

Джеймс двинулся к дереву.

— Стой! — вдруг рывкнула тетя Пика. Она усталилась на дерево, разинув рот, и глаза у нее прямо выпучились, как будто она привидение увидела. — Смотри, Плюха! Смотри! Да ты посмотри только!

— Что это с тобой? — удивилась тетя Плюха.

— Он растет! — крикнула тетя Пика. — Он делается все больше! Все больше! Все больше!

— Кто растет?

— Кто-кто! Да персик же!

— Смеешься!

— Да сама посмотри!

— Но, моя милая Пика, это ведь просто смешно. Это же противоестественно. Это же... это же... ой, погоди-ка... нет-нет... быть того не может... Нет... Да!.. Ой, я вас умоляю! Держите меня! Он растет!

— Он уже вдвое увеличился! — завопила тетя Пика.

— Но такого не бывает в природе!

— Значит, бывает!

— Видимо, это чудо какое-то!

— Да ты смотри, смотри!

— А я что делаю?!

— Умереть мне на этом месте! — взвизгнула тетя Пика. — Я буквально вижу, как он вздувается и пухнет прямо у меня на глазах.

7

Две тетки и маленький мальчик стояли под деревом и, не отрываясь, смотрели на удивительный фрукт. Лицо у Джеймса все горело, а глаза у него стали огромные и сияли, как две звезды. Он видел, как персик растет, растет, будто кто-то изо всех сил надувает воздушный шар.

В два счета он стал как арбуз!

И сразу же вырос еще вдвое!

— Смотрите, смотрите! — орала тетя Пика.

— Может, хватит уже! — тетя Плюха приплясывала и размахивала толстыми ручищами.

Вот он стал уже совершенно как повисшая на верхушке дерева громадная румяная тыква.

— Отойди от дерева, балбес! — взвизгнула тетя Пика. — Чуть тряхни — он же свалится! А он кило двадцать весит, не меньше!

Ветка, на которой рос персик, все больше и больше гнулась под этой тяжестью.

— Отойди, тебе говорят! — орала тетя Плюха. — Сейчас упадет! Сейчас ветка подломится!

Но ветка не подломилась. Она только гнулась, гнулась и гнулась, покуда персик делался все тяжелей.

А он рос, рос и рос.

Еще миг — и гигантский фрукт стал таким же крупным и толстым, как сама тетя Плюха, и, очень может быть, таким же тяжеленным. — Ну, теперь-то уж хватит! Довольно! — взвизгнула тетя Пика. — Не вечно же ему расти!

Но персик все рос и рос.

Скоро он стал как небольшой такой автомобиль и повис уже над самой землей.

Тетя Пика и тетя Плюха прыгали и скакали вокруг дерева и — боже ты мой! — какие они кричали глупости!

— Ура-ура! — кричала тетя Пика. — Вот так персик! Ну и персик! Ай да персик!

— Слава, слава великому персику! — кричала тетя Плюха. — Вот это красота! Вот это полнота! И какая, и какая, и какая вкуснота!

— И все растет!

— Ну да! Ну да!

А Джеймс меж тем был так потрясен, что только стоял, смотрел и тихонько бормотал про себя:

— Ох, до чего же он прекрасен! В жизни я не видел ничего более прекрасного!

— Уж лучше заткнись, ничтожество, — цыкнула на него тетя Пика, случайно подслушав эти слова. — Тебя не спросили!

— Вот именно, — поддержала ее тетя Плюха. — Тебе-то какое дело? Не суйся, когда тебя не спрашивают.

— Ой! — взвизгнула тетя Пика. — Он стал еще быстрее расти! Смотри! Растет и растет!

— Вижу, Пика, вижу! Что я, дура?

Больше, больше, больше делался персик. Больше, больше, больше.

И вот наконец, когда он вымахал чуть ли не с дерево, на котором вырос, не меньше небольшого коттеджика, он тихо-тихо опустился и осел на землю.

— Теперь уж не сорвется! — взвизгнула тетя Плюха.

— Ох, он перестал расти! — охнула тетя Плюха.

— Вот еще! Глупости!

— Нет! Перестал!

— Он просто медленней растет, Пика, пойми ты, заруби себе на носу, просто медленней! А вовсе он не перестал! Да ты внимательней посмотри!

Обе помолчали.

— Ну вот, теперь перестал!

— Да, видимо, ты права.

— Как думаешь, можно его потрогать? Не опасно?

— Кто его знает. Может, лучше не связываться...

Тетя Пика и тетя Плюха медленно, медленно обошли вокруг персика, боязливо его оглядывая со всех сторон. Ну в точности как двое

охотников, которые застрелили слона и теперь хотят убедиться, умер ли он окончательно или же еще дышит.

А круглый, огромный фрукт возвышался над ними, и они с ним рядом выглядели как две лилипутки с другой планеты.

Кожа у персика была дивно хороша — сочная, желтая, а местами она сияла где розовым, где прямо красным румянцем. Тетя Плюха осторожно приблизилась и ткнула в персик своим толстым пальцем.

— Ох, и спелехонек! — крикнула она. — Ну чудный, чудный! А знаешь что, Пика? Давай возьмем лопатку, вырежем мне и тебе по хорошенькому ломтику и сразу скушаем!

— Нет, — отвечала тетя Пика. — Не сейчас.

— Но почему, почему?

— Потому что я так сказала.

— Но я же изнемогаю! Буквально! — крикнула тетя Плюха. У нее уже текли слюнки, висели по углам рта и капали на подбородок.

— Милая Плюха, — произнесла тетя Пика, раздельно, медленно, со значением, подмигнула сестре и улыбнулась, и улыбка у нее была хитрая и кривая. — Если подойти с умом, можно на этом персике огрести кучу денег. Ты только имей терпение — и сама убедишься.

Весть о персике чуть ли не в дом размером с быстротою молнии разнеслась по всей округе, и на другой день нескончаемая очередь устремилась вверх по холму — поглядеть на такое чудо.

Тетя Пика и тетя Плюха, недолго думая, вызвали плотника, этот плотник построил забор вокруг персика, чтоб его оградить от толпы, а сами они, не будь дуры, встали у калитки с большущим рулоном билетов и брали за вход плату.

— Спешите видеть! — надсаживалась тетя Пика. — Платишь какой-то несчастный шиллинг — и сразу получаешь шанс полюбоваться на Чудо-Персик!!!

— Скидка пятьдесят процентов для детей до полутора месяцев! — орала тетя Плюха.

— В порядке очереди! Куда прете! Успеете!

— Эй вы, там! А ну вон отсюда! Долой безбилетников!

К обеду сад был забит мужчинами, женщинами и детьми, и все толпились, толкались, приступом брали калитку, все жаждали взглянуть на сказочный фрукт. Как осы кружили над горой вертолеты, приземлялись, из них высыпали журналисты, операторы, телерепортеры.

- С камерой цена двойная! — кричала тетя Пика.

- Да ладно, ладно, — отвечали ей. — Заплатим сколько угодно!

И деньги текли рекой в карманы двух этих жадных особ.

А покуда в саду творилось такое, бедный Джеймс сидел, запертый в своей камерке, и смотрел из окна на толпу.

- Это мерзкое существо будет путаться у всех под ногами, если только его выпустить, — рано утром объявила тетя Пика.

— Ну пожалуйста! — молил бедный Джеймс. — Я сто лет не видел других детей, и мне так хочется с кем-нибудь поиграть, а их так много придет сегодня! И, может, я билеты продавать помогу?

— Молчать! — отрезала тетя Плюха. — Мы с тобой тетей Пикой вот-вот станем миллиардершами, и нам совершенно не интересно, чтобы тут вертелись всякие.

Только потом, вечером того самого первого дня, когда публика уже разошлась по домам, Джеймса выпустили и велели ему убрать банановые и апельсиновые корки, обертки от конфет и бумагу от бутербродов — словом, все, что набросала толпа.

— А можно мне сперва немножечко поесть? — попросил Джеймс. — У меня весь день маковой росинки во рту не было.

— Еще чего! Этого только не хватало! — рыкнула тетя Пика, пинком выдворяя его за дверь. — Тебя кормить! Делать нам больше нечего! Знаешь, как мы устали считать деньги?

— Но ведь темно же! — и Джеймс заплакал.

— А ну вон отсюда! — вопили тетки. — И чтоб духу твоего тут не было, пока все-все не уберешь!

Дверь стукнула. Ключ повернулся в замке.

9

Голодный, весь дрожа, стоял Джеймс в саду, один-одинешенек, и не знал, что делать. Черная ночь обступила его со всех сторон, и только далеко-далеко в вышине мчалась по небу белая, большая луна. И нигде ни шороха, ни шелеста, вообще ни единого звука.

Для многих людей, а для маленьких детей особенно, остаться под открытым небом в лунную ночь — это не такое уж большое удовольствие. Все кругом тихо, замерло, как неживое, а тени такие длинные, черные, и кажется, что это — непонятные чудища, которые шевелятся, едва посмотришь на них. Сук хрустнет, прошелестит листок — а вы уж прямо вздрагиваете от страха.

Вот так же и Джеймс. Он стоял, глядел прямо перед собой большими-большими от страха

глазами и даже вздохнуть боялся. Совсем близко, посреди сада высилась громада Чудо-Персика. Неужто он стал еще больше? И как немислимо странно он выглядел! Лунный свет обливал его крутые бока, серебрил их — так таинственно. Будто огромный серебряный шар лежал в траве, тихий, волшебный, чудесный.

И вдруг по спине у Джеймса побежали мурашки.

«Что-то еще, — сказал он сам себе, — что-то еще более удивительное сейчас случится со мной».

Да, он в этом просто не сомневался. Он это чувствовал. Знал.

Он огляделся по сторонам, гадая, что же это такое будет. Сад затих в серебряном свете луны. Пала роса. Великое множество росинок мигало, посверкивало в траве под ногами у Джеймса. И вдруг весь сад будто ожил, как по мановению волшебной палочки.

Сам не понимая, что делает, будто его магнитом тянули, Джеймс Генри Крузио двинулся прямо к Персику. Перелез через забор — и встал рядом с чудом. Протянул руку, дотронулся до Персика пальцем. А Персик был весь такой мягкий, и теплый, и такой немножко пушистый, как шкурка мышонка. Джеймс сделал еще шаг и потерся щекой об эту нежную кожу. И тут-то — вдруг! случайно! — заметил,

что совсем рядом, возле самой земли, в боку у Персика дыра.

10

Дыра была довольно большая — такую могла бы прорыть, скажем, лиса.

Джеймс присел на корточки, сунул в дыру голову.

И заполз.

И пополз дальше.

«Ну, это я вам скажу, вовсе и не дыра, — думал Джеймс, сам не свой от волнения. — Это же прямо туннель какой-то!»

В туннеле было темно и сыро, и стоял там удивительный запах — пахло спелым, сочным персиком. Пол под коленками у Джеймса был сырой, стены мокрые, липкие, а с потолка так и стекал персиковый сок. Джеймс открыл рот, поймал несколько капель. Ну ни с чем не сравнимая вкуснота!

Туннель шел вверх, к самому центру гигантского фрукта. То и дело — каждые несколько секунд — Джеймс останавливался и чуть-чуть отъедал от стенки. Персик оказался сочный, свежий, а сытный — ну сказочно!

Джеймс все полз, полз и вдруг — бах! — наткнулся головой на что-то ужасно твердое. Он поднял глаза. Перед ним стояла твердая стена.

Сперва Джеймсу показалось, что она деревянная. Он ее пощупал. Да, и взаправду похоже на дерево, только все в каких-то глубоких-глубоких бороздах и зазубринах.

— Ой, что я, Господи! — сам себе сказал Джеймс. — Все же понятно! Это его косточка!

И тут он разглядел, что в косточке тоже проделана дверца. Толкнул. Дверца распахнулась. Джеймс в нее прополз — и даже не успел поднять голову, оглядеться, понять, куда попал, как услышал голос:

— Смотрите, кто пришел!

И другой голос:

— Тебя-то мы и ждем.

Джеймс вздрогнул, глянул туда, откуда раздавались голоса, и весь побелел от ужаса.

Он хотел встать, но коленки у него так дрожали, что пришлось тут же опять опуститься на четвереньки. Оглянувшись, хотел сбежать, но двери как не бывало. Позади стояла сплошная коричневая стена.

11

Очень медленно Джеймс обвел комнату взглядом, и глаза у него от испуга стали совсем квадратные.

Какие-то животные, кто сидя в креслах, кто развалясь на диване, пристально уставились на него.

Животные?

Или, кажется, насекомые?

Но насекомые — это же, как правило, что-то такое маленькое, правда? Кузнечик, например. Он — явно насекомое.

Да, но как вы назовете кузнечика, когда он величиной с собаку? И притом с *крупную* собаку? Его как-то уже не очень хочется называть насекомым, ну согласитесь!

Тем не менее именно Старый Зеленый Кузнечик величиной именно что с *крупную* собаку сидел сейчас перед Джеймсом в другом конце комнаты.

А рядом со Старым Зеленым Кузнечиком сидел колоссальный Паук.

А рядом с Пауком сидела гигантская Божья Коровка, и на ее багряном панцире красовалось девять черных пятен.

Эти трое сидели в роскошных креслах.

Рядом на диване уютно развалились Многогоног и Червяк.

В дальнем углу на полу лежало что-то такое белое, толстое — судя по всему, Шелковичный Червь, Шелковичник. Но он крепко спал, и никто не обращал на него ни малейшего внимания.

Все эти «животные» были ничуть не меньше самого Джеймса, и в странном, откуда-то

с потолка льющемся зеленоватом свете вид у них был, прямо скажем, ужасающий.

— Мне кушать хочется! — объявил Паук, не отрывая глаз от Джеймса.

— Да, и я умираю с голоду! — поддакнул Старый Зеленый Кузнечик.

— И я! — крикнула Божья Коровка.

Многоног потянулся на диване.

— Все умирают с голоду! — подытожил он. — Нам необходимо подкрепиться.

И четыре пары черных сверкающих глаз так и вперились в Джеймса.

Многоног изогнулся, словно хотел соскользнуть с дивана, но не соскользнул.

Все долго-долго молчали.

Паук — то есть, вернее, Паучиха — открыла рот и облизнула губы длинным черным языком. — Ну, а ты? Ты кушать не хочешь? — вдруг спросила она, глядя прямо в глаза Джеймсу.

Бедный Джеймс прижался спиной к стене и так дрожал от страха, что ни слова не мог вымолвить.

— Что это с тобой? — забеспокоился Старый Зеленый Кузнечик. — Уж не заболел ли ты?

— Он сейчас в обморок упадет, честное слово, — объявил Многоног.

— Ах, боже ты мой, бедняжка! — вскрикнула Божья Коровка. — Уж не вообразил ли он, что мы его собираемся скушать?

Все так и покатались со смеху.

— Ну и ну! — вскричали все хором. — Что за дикая мысль!

— Не бойся, — сказала ласково Божья Коровка. — У нас и в мыслях не было тебя обижать. Ты теперь с нами, ты наш, ты принят в нашу команду.

— Я тебя целый день поджидал, — сказал Старый Зеленый Кузнечик. — Уж опасались, что не явишься. Ну что ж, весьма рад, весьма рад.

— Взбодритесь, юноша, взбодритесь! — сказал Многоног. — И помогите мне, будьте добры, стянуть эти башмаки. Без посторонней помощи этот процесс у меня отнимает бездну времени.

Джеймс решил, что, в силу обстоятельств ломаться не стоит, а потому пересек комнату, подошел к Многоногу и встал перед ним на колени.

— Благодарю вас, — сказал Многоног. — Вы очень любезны.

— У вас так много ботинок, — пробормотал Джеймс.

— У меня много ног, — гордо отвечал Многоног. — Сто, если точнее.

— Начинается! — это Червяк наконец-то открыл рот. — И как только не надоест трепаться? Сто! Ничего не сто! Сорок две ноги у тебя, от силы. Да вот беда — считать никому не хочется! Лень! Вот и верят ему на слово. А сорок две ноги — не велико диво. Подумаешь — ну, сорок две! И вообще, не в ногах счастье.

— Бедный малый, — шепнул Многоног на ухо Джеймсу. — Он абсолютно слепой. Он не видит моего великолепия.

— Я лично считаю, — продолжал Червяк, — что истинный подвиг — совсем не имея ног, тем не менее прекрасно ходить.

— И это называется — ходить! — хмыкнул Многоног. — Да ты просто-напросто ползаешь. Ты пресмыкаешься.

— Я — скольжу, — строго поправил Червяк.

— Да уж, ты скользкий субъект, — не уступал Многоног. — Одно слово — гад.

— Никакой я не гад, — отрезал Червяк. — Все меня любят и уважают. Спроси любого садовника. А вот ты...

— Я паразит, — объявил Многоног, с широкой улыбкой оглядывая собравшихся.

— Не понимаю, чем тут гордиться, — сказала Божья Коровка и улыбнулась Джеймсу. — Интересно, что в этом выдающегося?

— Я в нашем обществе — единственный паразит! — крикнул Многоног, все еще сияя улыбкой. — Старый Зеленый Кузнечик не в счет. Для него все в прошлом. Какой уж там паразит из дряхлого старика!

Старый Зеленый Кузнечик обратил свои огромные черные глаза на Многонога и смерил его испепеляющим взглядом.

— Юноша, — сказал он медленно, тихо, с печальной усмешкой. — Я в жизни никогда не был паразитом. Я музыкант.

— Именно! Именно! — крикнула Божья Коровка.

— Джеймс... — начал Многоног. — Ведь ваше имя Джеймс, не так ли?

Джеймс кивнул.

— Ну так вот, Джеймс. Случалось ли вам когда-нибудь встречаться с таким чудесным, колоссальным Многоногом, как я?

Ой, ну что вы, — сказал Джеймс. — И как это так вымахали?

О, это было непросто, — сказал Многоног. — Очень даже непросто. Могу рассказать. Я бил баклуши под старым персиковым деревом и вдруг вижу: что-то странное, зеленое пролетело у меня перед носом. Ярко-ярко-зеленое, должен вам доложить, и невероятно красивое — не то камень, не то кристалл.

— О, тогда я понимаю! Я понимаю! — крикнул Джеймс.

— Да, и со мной приключилось то же самое, — сообщила Божья Коровка.

— И со мной, — подтвердила мисс Паук. — Вдруг везде-везде-везде оказались эти зеленые шары.

— Я лично взял и один такой проглотил, — с достоинством произнес Червяк.

— И я, — сказала Божья Коровка.

— А я проглотил целых три! — крикнул Многоног. — Но кто, интересно, рассказывает? Попрошу не перебивать. Я сам продолжу эту историю.

— Поздно уже истории-то рассказывать, — заметил Старый Зеленый Кузнечик. — Давно пора на боковую. Спать, спать, спать!

— Я категорически отказываюсь спать в ботинках, — крикнул Многоног. — Сколько еще там осталось, а, Джеймс?

— Пока я снял двадцать, по-моему, — сказал Джеймс.

— Значит, осталось восемьдесят, — отвечал Мн
гоног.

— Никаких не восемьдесят! — крикнул Чер
вяк. — А всего двадцать два. И почему надо ве
но врать?

— Да уж, Червяк твердо стоит за правду, — за
метила Божья Коровка.

И на чем это, интересно, он за нее стоит? —
и Многоног расхохотался.

В ногах вообще правды нет, — печально
наддохнул Червяк.

— Ну, это у кого как! — и Многоног прямо за-
шелся от смеха.

— Не понимаю, зачем так кичиться своим мно-
гоножеством и вечно пускать Червяку пыль
в глаза, — заметила Божья Коровка.

— В глаза? Червяку?

И тут уж Многоног буквально зашелся
от смеха.

Джеймс подумал, что ему все-таки нравится
Многоног. Конечно, он был тот еще шельмец,
кто спорит, но как же приятно, когда рядом
с тобой хохочут! За все время, пока Джеймс
жил с тетей Пикой и тетей Плюхой, он ни разу
не слышал, чтоб они смеялись.

— Спать, спать, спать, — повторил Старый Зе-
леный Кузнечик. — Завтра нам всем предстоит
трудный день. Не будете ли вы так добры, мисс
Паук, приготовить нам постели?

13

Не прошло и пяти минут, как мисс Паук приго-
товила первую постель. Она свисала с потолка
на веревках, так что, если придирааться к словам,
то скорей был гамак. И тем не менее это была

великолепная, мягкая постель, и она переливалась, как шелк, в бледном свете.

— Надеюсь, я вам угодила, — сказала мисс Паук Старому Зеленому Кузнечнику. — Я уж старалась чтобы помягче. Из легчайшей шелковой паутины плела. самого лучшего, исключительного качества. Себе лично я такой роскоши не позволяю — Сердечно вам признателен, сударыня, — сказал Старый Зеленый Кузнечик, взбираясь в гамак. — Ах! Именно о такой постели я всю жизнь мечтал. Спокойной ночи. Приятных сновидений Всем-всем-всем.

Потом мисс Паук сплела еще один гамак на сей раз для Божьей Коровки.

Затем она сплела длинный-длинный гамак для Многонога и — еще длиннее — для Червяка — А ты как любишь спать? — спросила она у Джеймса, когда пришла его очередь. — На мягком? Или на жестком?

— Спасибо большое, на мягком, если можно, — сказал Джеймс.

— Ради бога! Перестаньте глазеть по сторонам и зевать! Сосредоточьтесь на моей обуви! — крикнул тут Многоног. — Эдак мы с вами не уложимся в срок до самого утра. И, будьте любезны, ставьте ботинки поаккуратней. Попарней. Не швыряйте их как попало.

Джеймс изо всех сил трудился над обувью Многонога. Вся она была на шнурках

и их попробуй-ка распусти, и, главное, они были завязаны такими хитрыми узелками, что Джеймсу в конце концов пришлось попутить в ход собственные ногти. Просто ужас! Разувание Многонога заняло целых два часа! И, когда был стянут последний ботинок, составила двадцать одна аккуратная пара. А сам Многоног давно уже спал крепким сном.

— Проснитесь, — Джеймс легонько ткнул его в брюхо. — Пора ложиться в постель.

— Благодарю вас, милое дитя, — пробормотал Многоног и приоткрыл один глаз. Он сполз с дивана, протрусил через комнату и забрался в гамак. Джеймс тоже лег в свой гамак и — ах! Какой он оказался удобный, какой мягкий, особенно по сравнению с голыми досками, на которых заставляли его спать тетя Пика и тетя Плюха.

— Выключи свет... — пробормотал Многоног сквозь сон.

Никто не отозвался.

— Выключи свет, тебе говорят! — и в голосе Многонога уже звенели раздраженные нотки.

Джеймс оглядел комнату, пытаясь понять, к кому обращен приказ, но все крепко спали. Старый Зеленый Кузнечик громко посапывал. Божья Коровка дышала с присвистом, а Червяк, свернувшись калачиком, откровенно храпел. Мисс Паук сплела для себя в углу прелестную

паутину, устроилась в самой середке и уютно урчала во сне.

— Кому сказано — выключи свет! — рывкнул Многоног.

— Вы это мне? — спросил Джеймс.

— Еще чего! Дурак я, что ли? — огрызнулся Многоног. — Этот полоумный Жук-Светляк заснул, а свет забыл выключить.

Тут только Джеймс глянул на потолок и — о, боже! — что он увидел! Нечто вроде гигантской бескрылой мухи, ростом в метр, не меньше, вверх тормашками, стояло посреди потолка на шести своих ногах, а хвост — хвост был буквально объят пламенем. Яркий зеленый свет, как от самой сильной электрической лампы, шел от этого хвоста и заливал комнату.

— И это — Жук-Светляк? — поразился Джеймс. — Вот уж никогда бы не подумал, что это вообще жук.

— Жук, жук, кто же еще, — проворчал Многоног. — Жук-Светляк. Сам себя так величает. Хотя, по сути дела, вы совершенно правы. В нем нет ровно ничего жуковского. Муха, она муха и есть, и больше ничего. Э, да ладно, пусть будет Жук-Светляк, раз ему так хочется. Эй ты, соня, проснись!

Но Жук-Светляк и лапкой не повел, и пришлось Многоногу нагибаться и поднимать с полу ботинок.

— А ну выключай давай свой отвратный свет! — Многоног запустил в потолок ботинком.

Жук-Светляк медленно приоткрыл один глаз и посмотрел на Многонога.

— Зачем грубить? — произнес он холодно. — Все в свое время.

— Давай, давай, живей! — закричал Многоног. — Не то я встану и сам его затушу!

— О, привет, Джеймс! — сказал Жук-Светляк, улыбнулся Джеймсу и помахал ему. — Не заметил, как ты вошел. Привет-привет, рад, очень рад видеть, и — спокойной ночи.

Щелк — и свет погас.

Джеймс лежал в темноте, широко открыв глаза, слушал, как посапывают, похрапывают и урчат вокруг, и думал о том, что же, интересно, с ним приключится завтра. Он уже, в общем, успел привязаться к новым друзьям. И вовсе они не такие страшные, как сперва ему показалось. И вообще они совсем не страшные. Приятные, милые, по большей части воспитанные, а если и пререкаются между собой — подумаешь, дело большое!

— Спокойной ночи, Старый Зеленый Кузнецик, спокойной ночи, Божья Коровка, — шепнул Джеймс, — спокойной ночи, мисс Паук... — но всех перечислить он не успел, потому что уже спал крепким сном.

14

— Отправляемся! — крикнул кто-то. — Ну, наконец-то!

Джеймс мигом проснулся и огляделся вокруг. Все выскочили из гамаков и в сильном волнении бегали по комнате. Вдруг пол заходил ходуном — как будто началось землетрясение!

— Тронулись! — крикнул Старый Зеленый Кузнецик. — Держитесь! Держитесь крепче!

— Что такое? — Джеймс выпрыгнул из гамака. — Что? Что случилось?

Божья Коровка, очевидно, самая добрая и милая из присутствующих, подошла к Джеймсу и встала с ним рядом.

— Ты, возможно, не знаешь, — сказала она, — но мы вот-вот покинем этот мерзкий холм, на котором провели такой долгий срок. Наш прекрасный Чудо-Персик понесет нас в ту страну, где... в ту страну, где...

— В страну, где — что? — не выдержал Джеймс.

— Ах, неважно что, — сказала Божья Коровка. — Ведь ничего на свете не может быть хуже этого нудного холма и твоих отвратительных тетушек...

— Правильно, правильно! — закричали все хором. — Именно, именно так!

— Ты, возможно, не заметил, — продолжала Божья Коровка, — но весь сад сверху донизу расположен на крутом-крутом склоне. И Персик, значит, с самого начала не скатился только по той причине, что прикреплен к дереву мощным стеблем. Надо только сломать этот стебель — и нас ждет Свобода!

— Внимание! — вскрикнула мисс Паук, когда их опять сильно толкнуло. — Мы летим!

— Еще нет, пока нет, нет-нет-нет!

— В этот самый миг, — продолжала Божья Коровка, — наш доблестный Многоног, чьи челюсти остры, как бритва, — в этот самый миг он перегрызает стебель, крепящий наш Персик к дереву. И вот-вот кончит свою работу, судя по тому, как нас трясет и мотает. Если хочешь, Джеймс,

я возьму тебя под крыло, чтобы ты не упал, когда мы тронемся с места.

— Спасибо, вы очень добры, — сказал Джеймс, — но, надеюсь, я удержусь на ногах.

И тут-то Многоног сунул сквозь дыру в потолке свою ослабленную физиономию и крикнул:

— Всё! Поехали!

— Поехали! — поддержала его вся компания. — Полетели!

— Итак, друзья мои, путешествие начинается! — объявил Многоног.

— Да, но только где оно кончится, вот вопрос, раз уж ты к нему приложил свою челюсть, — проворчал Червяк. — От тебя я добра не жду...

— И очень напрасно, — вмешалась Божья Коровка. — Мы посетим удивительные места, мы увидим небывалые чудеса. Ведь правда, Многоног?

— Еще неизвестно, что мы увидим, — сказал Многоног. И произнес такую речь:

Дестиглава увидим мы. Должен предупредить,
Он капризен: живя среди снегов,
Он, естественно, насморк боится схватить
И клянет свои десять носов.

Мы увидим Страшилу-Вершилу Бурбук.
Он, бедняжка, так любит людей:
Ежедневно съедает их
Всего по пять штук
И становится — ах! — все худей.

Вероятно, на пир пригласит нас Дракон.
Но не явится Единорог:
Уж давно на коврах только водится он,
И — увы! — от тусовок далек.

Мы увидим, возможно, Куру-Рябу де Беж.
Ей от всех — и любовь и почет,
А уж яйца де Беж! Их как сварить! Как съесть! —
Вмиг словно бомбой разнесет!

Антипопу увидим мы, а Типопотам
Нам покажет искусство свое:
Если рог он вонзит в переносицу нам,
Через пятку пройдет острие.

Ах, не знаю, что ждет нас, повторяю опять:
Катастрофы, крушения, войны,
И — ужасней всего — нам придется решать,
Что достойно, а что недостойно.

Ну так что ж? Ну и пусть! Все равно! Наплевать!
Как ни страшны, ни мрачны, ни дики
Будут дни наших странствий, но только — бежать!
Поскорее!! от Плюхи и Пики!!!

И вот, всего миг спустя... медленно, медленно, незаметно, мягко — Чудо-Персик накренился, наклонился и двинулся в путь. Комнату качнуло, мебель поползла, ударилась о дальнюю стенку. То же самое случилось и с Джеймсом, и с Божьей Коровкой, и с мисс Паук, и даже с Червяком, да и с самим Многоногом, который едва успел соскользнуть по стенке вниз.

15

А в этот самый миг тетя Пика и тетя Плюха заняли свои места у ворот сада, каждая с огромным рулонищем билетов, и смотрели, как первые зрители с утра пораньше уже карабкаются вверх по горе.

— Ох, и огребем же мы сегодня денег, — говорила тетя Пика, — посмотри, какая тьма народу.

— Интересно все-таки, куда подевался наш мерзкий мальчишка, — заметила тетя Плюха. — Он ведь так и не вернулся на ночь домой, а?

— Может, упал в темноте и сломал себе ногу, — лениво протянула тетя Пика.

— Или шею, — обнадежила ее тетя Плюха.

- Ух! Попадись он только мне под руку! — и тетя Пика взмахнула тростью. — Уж я его научу, как дома не ночевать... Ой, боже ты мой! Что за дикий шум?

Обе резко обернулись.

А шум, конечно, производил Чудо-Персик. Он сломал обнесший его забор и теперь с каждой секундой набирал скорость и катил по саду

к тому самому месту, где стояли тетя Пика и тетя Плюха.

Они разинули рты. Они завизжали. Они побежали. Они ужасно, ужасно, ужасно перепугались. Натыкались друг на дружку. Толкались. Пихались. Плюхались. И каждая думала только о том, как бы самой спастись. Толстая тетя Плюха споткнулась об ящик, который с собой принесла — чтоб денежки туда складывать, — и рухнула ничком. Тетя Пика споткнулась о тетю Плюху и шлепнулась на нее. Они катались по земле, они визжали, дрались и царапались, пытаясь встать на ноги и бежать прочь от Персика. Но не успели.

Раздался хруст.

И — тишина.

Персик все катился, катился дальше. А позади, на земле, остались тетя Пика и тетя Плюха — как две бумажные куклы, вырезанные из альбома с картинками.

16

А Персик тем временем уже выломился из сада и неся вниз по крутому склону на невысказанной скорости. Он неся все быстрее, быстрее, быстрее, и люди, карабкавшиеся вверх, увидели, что на них катится какое-то странное чудовище, и с криками разбежались в разные стороны.

Персик скатился с горы, перемахнул через дорогу, обрушил телеграфный столб, мимоходом расплющил две пустые припаркованные машины.

Потом он пронесся по двадцати полям, валя на своем пути заборы и живые изгороди. Он распугал стадо коров, отару овец, табун лошадей, и скоро по всей округе уже носились взволнованные, озадаченные, недоумевающие животные.

А Персик неся, неся, неся, ничуть не сбавляя скорости, и вот он влетел на улицу маленького городка. Люди разбегались от него в разные стороны, а он все неся, прямо, прямо, прямо, влетел в большое-большое здание, продырявил его насквозь и вылетел с другой стороны.

А здание это оказалось знаменитой фабрикой, где делали шоколад. И потому через дыру, которую Персик проделал в стене, хлынула река теплого, сладкого шоколада. Еще миг — и эта река растеклась по улице, просочилась под двери домов, в сады, в магазины. Дети ходили по колено в шоколаде, и кое-кто в нем пробовал плавать, и все-все, конечно, пили, пили, пили шоколад большими глотками и кричали от радости.

А Персик пронесся через тот городок и мчался дальше, дальше, дальше. Стога, скирды и заборы он сваливал на своем пути, как кегли. Он вышиб удочку из руки зазевавшегося рыбака, и тому нечем стало удить рыбу, а когда одна дама по имени

Дейзи Свист слишком близко сунула к нему свой любопытный нос, он отхватил от него чересчур острый, абсолютно лишний и ненужный кончик.

Похоже было, что Персик никогда не остановится.

Да и как он мог остановиться?

Если шарообразный предмет катится вниз по наклонной плоскости — он и не остановится, пока не кончится эта наклонная плоскость, а в данном случае кончалась она только там, где начиналось море — то самое море, к которому совсем недавно так жалобно просился Джеймс.

Да, похоже было, что желание его вот-вот исполнится! Персик мчался, и с каждой секундой он был все ближе и ближе к морю, а заодно и к острым белым скалам у самого берега.

Скалы эти — знаменитейшие скалы во всей Англии, и они необыкновенно высокие — в сотни метров. А море под ними глубокое, холодное, жадное. Немало судов поглотило оно вместе со всеми, кто был на борту, и навеки похоронило в своей пучине. И Персик сейчас был всего в каких-то ста метрах от этих скал... нет, нет, уже в пятидесяти... в двадцати... в десяти... в пяти метрах... Вот он задел за вершину утеса, подпрыгнул в небо, секундочку там повисел, перевернулся, перевернулся...

И стал падать...

Вниз...

Вниз...

Вниз...

Вниз...

Вниз...

Бу-у-уххх! Персик бухнулся в воду, взметнул могучие брызги и камнем пошел ко дну.

Но уже через несколько секунд он всплыл и больше уже не тонул, а уверенно, величаво и важно плыл по поверхности моря.

17

А внутри Персика тем временем творилось что-то несусветное. На полу валялся Джеймс, весь в сияниях и ссадинах, и тут же — Многоног, Червяк, мисс Паук, Божья Коровка, Старый Зеленый Кузнечик, Жук-Светляк — какая-то куча-мала. За всю долгую историю мира никогда еще путешественники не оказывались в столь унижительном положении. Так прекрасно у них начиналось, столько было задорного смеха, ликующих кликов, и в первые секунды пути все, собственно были не прочь слегка встряхнуться и поболтаться. А когда раздалось первое «Бамм!» и Многоног объявил: «Это была тетя Пика», и потом второе «Бамм!» и опять: «Это была тетя Плюха» — как же искренне, от души они веселились!

Но когда Персик выкатился из сада и помчался вниз по круче, бешено набирая скорость, — тут

уж начался просто какой-то кошмар. Джеймса подбросило к потолку, снова шарахнуло об пол, потом об стену, опять к потолку, его кидало, фросало, швыряло, мотало, трясло, и вся компания летала туда-сюда, и вместе с ними летали стулья и диван, не говоря уже о сорока двух Фотинках разутого Многонога. Всех и вся морало, как горошины в громадной погремушке, которую тряс глупый великан — играл и никак не мог наиграться. И — в довершение бед — что-то заклинило в осветительной системе Жужка-Светляка, и наступила полная тьма. Раздавались вопли, стоны, проклятья, крики «Караул!» и все ходило ходуном, ходуном, а когда Джеймсу — наконец-то! — удалось ухватиться за два каких-то бруска, оказалось, что это две ноги Многонога.

— Прочь от меня, идиот! — крикнул от неожиданности Многоног и взбрыкнул, и Джеймс полетел через всю комнату, прямо на жесткого-прежесткого Старого Зеленого Кузнечика. Дважды Джеймс запутался в ногах у мисс Паук (весьма сомнительное удовольствие), а несчастный Червяк, которым с треском, как хлыстом, било во все стороны, в конце концов, отчаявшись, обвился вокруг Джеймса и на все его мольбы отвечал, что, поскольку все кончено, ему незачем разматываться.

Ох, до чего же это было трудное, жуткое, дикое путешествие!

Но наконец снова настала тишь да гладь.
Все начали кое-как отцепляться друг от друга
и распутываться.

— Да будет свет! — крикнул Многоног.

— Да-да! — поддержали все. — Включи свет!
Свет! Включи свет!

А я что делаю? — отвечал несчастный Жук-Светляк. — Я и стараюсь. Я очень даже стараюсь. Пожалуйста, наберитесь терпения.

Все набрались терпения и молча ждали.

И вот хвост Жука-Светляка чуть-чуть, едва заметно, занялся зеленым светом, свет крепчал, крепчал, — и тьма наконец-то рассеялась!

— Н-да-с. Ничего себе представленьеце, — проворчал Многоног и проковылял в другой конец комнаты.

— Я стал совершенно другим червяком... — проормотал Червяк.

— И я, — подтвердила Божья Коровка, — я как будто постарела сразу на много лет.

— Полно, друзья мои! — воскликнул Старый Зеленый Кузнечик, изо всех сил стараясь придать бодрость своему голосу. — Мы же все, слава богу, тут как тут!

— Да, но только где это — тут? — раздались голоса. — Вот вопрос.

— Не знаю, — сказал Старый Зеленый Кузнечик, — но убежден: где-то в очень хорошем месте.

— Наверно, мы оказались на дне угольной шахты, — промолвил Червяк уныло. — Ведь мы же все спускались и спускались, вниз, вниз, вниз. Я нутром это чувствовал. Вот и сейчас чует мое сердце: мы на дне.

— А может быть, мы очутились в некой прекрасной стране, исполненной чарующих зву-

ков, — предположил Старый Зеленый Кузнецик.

— Или на морском берегу, — предположил Джеймс, — а вокруг много-много детей и с ними можно играть!

— Прошу прощения, если я ошибаюсь, — сказала Божья Коровка, чуть-чуть побледнев, — но не кажется ли вам, что нас слегка покачивает?

— Слегка покачивает? — раздалось со всех сторон. — Это в каком же смысле?

— У тебя просто голова еще кружится, — постановил Старый Зеленый Кузнецик. — Ничего. Пройдет. Готовы ли вы все, господа, сейчас подняться наверх и оглядеться?

— Да-да! — раздался хор голосов. — Сейчас же, сейчас же наверх!

— Я решительно отказываюсь выходить из помещения босиком, — объявил Многоног. — Предварительно мне надо обуться.

— Ах ты, господи, неужто сейчас опять начнется эта нудная тягомотина! — простонал Червяк.

— Давайте-ка лучше все вместе поможем Многоногу, — сказала Божья Коровка. — Ну как? Начнем?

И все начали обувать Многонога, кроме мисс Паук. Мисс Паук была занята: она начала плести длинную веревочную лестницу, и лестница эта должна была протянуться от пола до самого отверстия в потолке. Это Старый Зеленый

Кузнечик мудро посоветовал не тыкаться в боковые ходы, а первым делом выйти на вершину Персика.

Через какой-нибудь час веревочная лестница была сплетена, сорок второй ботинок аккуратно зашнурован на сорок второй ноге Многонога — одним словом, все было готово. И с криками «Вперед, друзья!», «Земля обетованная, увижу ли тебя?» компания поднялась к потолку. А дальше все по очереди исчезали в темном сыром туннеле, и туннель этот круто, почти вертикально шел вверх.

18

Еще минута — и все были под открытым небом, на вершине Персика, у самого стебля, моргали от ослепительного солнечного света и растерянно озирались.

— Ой, что это?

— Где это мы?

— Невероятно!

— Немыслимо!

— Невообразимо!

— А что я говорила? Ведь покачивает! — сказала Божья Коровка.

— Мы в открытом море! — крикнул Джеймс.

И действительно. Сильное течение и крепкий ветер быстро отнесли Персик от берега, да так

далеко, что земля уже совсем исчезла из виду. Кругом темнела только глубокая, жадная пучина. О бока Персика бились мелкие волны.

— Но как же так? — волновались все. — Где поля? Где луга? Где наша милая старая Англия?

Никто-никто, даже Джеймс, не мог понять, как такое могло приключиться.

— Леди и джентльмены, — сказал наконец Старый Зеленый Кузнечик, изо всех сил стараясь подавить в своем голосе уныние и тревогу. — Друзья мои! Боюсь, мы оказались в весьма щекотливом положении.

— Щекотливом! — не выдержал Червяк. — Дорогой мой Старый Зеленый Кузнечик, мы погибли! Нам крышка! Мы все — все до единого — умрем с голоду! Пусть я слепой, но уж это я вижу отлично.

— Снимайте с меня ботинки! — завопил Многоног. — Не могу же я плавать в ботинках!

— А я, а я — я вообще не умею плавать, — простонала Божья Коровка.

— И я! — всплакнул Жук-Светляк.

— И я, — вздохнула мисс Паук, — мы все трое абсолютно никакие пловцы.

— Да вам и незачем плавать, — успокоил их Джеймс. — Мы же дивно плывем на Персике. А рано или поздно мимо пройдет корабль, и он нас подберет.

Все на него уставились в полном недоумении.

И ты уверен, что мы не утонем? — спросила Божья Коровка.

Уверен! Полностью! — сказал Джеймс. — Да вы сами поглядите!

Все подбежали к склону Персика и глянули вниз, на воду.

— Юноша совершенно прав, — заключил Старый Зеленый Кузнечик. — Мы плывем себе и плывем. Так что давайте присядем и успокоимся. В конце концов все будет хорошо.

— Что за дикий бред! — крикнул Червяк. — Ничего никогда не бывает хорошо в конце концов! И вы не можете этого не знать!

— Бедный Червяк, — шепнула Божья Коровка на ухо Джеймсу. — Как он обожает устраивать трагедии. Чувствовать себя счастливым для него просто мука. Он только тогда счастлив, когда у него ужасное настроение. Странно, правда? Хотя, с другой стороны, быть червяком — уже достаточная причина для ужасного настроения, как ты считаешь?

— Если Персик и не пойдет ко дну, — между тем рассуждал Червяк, — и если мы не утонем, мы, все до единого, все равно подохнем с голоду. Вы, наверно, забыли, что мы со вчерашнего утра ничего не ели, а еды у нас нет и в помине?

— Хе-хе, а ведь он совершенно прав, — крикнул Многоног. — Первый раз в жизни Червяк совершенно прав!

— Естественно, я прав, — вздохнул Червяк, — и о том, чтобы здесь добыть себе пропитание, не может быть и речи. Мы будем худеть и худеть, хиреть и хиреть, и умрем мучительной и унижительной голодной смертью. Я, собственно, уже умираю. Я весь съежился, я скукожился, я иссох от недоедания. Лично я бы предпочел утонуть.

— Господи! Да надо быть просто слепым... — крикнул Джеймс.

— Да, я слепой, — огрызнулся Червяк. — И стыдно издеваться над природным недостатком.

— Ой, я не то хотел сказать, — Джеймсу стало очень, очень неловко. — Простите, пожалуйста! но неужели вы сами не видите...

— Не вижу?! — крикнул бедняга Червяк. — Как? Как я могу увидеть что бы то ни было?!

Джеймс глубоко-глубоко вздохнул.

— Неужели для вас не очевидно, — спросил он более дипломатично, — что еды нам хватит на много-много месяцев?

— Где она — эта еда? — раздалось сразу несколько голосов. — Покажи! Покажи! Где?

— Господи! А персик? Ведь наше судно — это сплошная еда!

— Вот это да! — возопили все. — А нам и невдомек!

— Милый Джеймс, — сказал Старый Зеленый Кузнечик, ласково положив Джеймсу на плечо переднюю лапку. — Просто ума не приложу, ну

что мы без тебя делали... Какой же ты умница. Леди и джентльмены! Мы опять спасены!

— Черта с два, — сказал Червяк. — Рехнулись вы все, что ли? Какой идиот станет есть собственное судно? А? Ведь только на него вся наша надежда.

— Но тогда мы умрем с голоду, — сказал Многоног.

— Но иначе мы утонем, — возразил Червяк.

— Ах ты боже ты мой! — простонал Старый Зеленый Кузнечик. — Вот ведь дилемма какая!

— Однако нельзя ли хоть чуточку от него отъесть? — вздохнула мисс Паук. — Я безумно проголодалась.

— Да ешьте, ешьте себе на здоровье, — успокоил ее Джеймс. — Мы можем есть наш Персик месяцами, друзья, и не проедем в нем ни единой пробоины. Неужели вы сами не понимаете?

— Господа! А ведь юноша снова прав! — и тут Старый Зеленый Кузнечик даже хлопнул в ладоши. — Вот именно, вот именно, что месяцами! И — знаете что? Давайте не будем грызть палубу. Лучше объединим понеможку туннель, по которому мы сюда вошли, а?

— Превосходная мысль, — откликнулась Божья Коровка.

— Ну, а сейчас ты чем недоволен, Червяк? — спросил Многоног. — Сейчас-то — ну что, по-твоему, плохо?

— Плохо то... — начал Червяк, — плохо то... плохо то... ну, плохо то, что нет ничего плохого.

Все так и покатались со смеху.

— Взбодрись, Червяк, — сказали ему, — пошли подкрепимся.

И все спустились в туннель и стали откусывать от Персика спелые, сочные, золотистые, румяные кусочки.

— Просто чудо, — наслаждался Многоног.

— Изз-ззу-мми-и-ительно, — стонал Старый Зеленый Кузнечик.

— Пища богов, — подтверждал Светляк.

— Ах, — сдержанно произнесла Божья Коровка, — у нашего Персика просто безупречный вкус,

Она посмотрела на Джеймса и улыбнулась, и Джеймс улыбнулся в ответ. Они сидели рядышком и с наслаждением уплетали вкуснятину.

— Знаешь, Джеймс, — продолжала Божья Коровка, — а ведь до сих пор мне не доводилось пробовать ничего, кроме крохотных зеленых мошек, какие водятся на розовых кустах. Они, надо признать, совершенно очаровательны. Но наш Персик еще лучше.

— Да, прелесть, правда, — поддержала ее мисс Паук. — Я лично всегда полагала, что жирная, сочная, свежепойманная в сеть муха — лучшее блюдо на свете, но, оказывается, я ошибалась.

— Вот это класс! — подал свой голос Многоног, — Шикарно! Ни с чем не сравнимо! Невероятно! Но факт! А уж я-то могу судить — каких только я ни отвеживал яств!

И тут Многоног, с набитым ртом, обливаясь персиковым соком, разразился песней:

Едал я на своем веку
Мух в собственном соку,
Желе из ножек комара,
Блошиную уху.
Клоп-натурались на суку
Наводит на меня тоску.
Но ваксой чуть его подмажь, и —
О! мерси боку!

Рагу из фиговых листков
У лучших поваров
Я ел, цветную антимоль
И яйца свежих сов.
Суп из мохеровых хвостов,
Салат из певчих муравьев,
К нему — основа всех основ —
Идет шмелевый плов!

Из мух шарлотку я едал,
О, как она вкусна!
Мне фаршированных мегер
Готовила жена.
И к ним кошмарского вина
Все подавала мне она.
Еда сытна, сочна, нежна
И — прелесть как вредна!

От чадомора, признаюсь,
Я просто без ума:

На тост кладешь осиный хвост,
В пост — лучше бастурма.
Чем тароватая кума нас не попотчует — эхма!
(Сперва, честь честью, на себе
Проверив все сама.)

Я ем всегда как паладин
В дни личных именин.
Но каждый день нам стряпать лень,
И тут рецепт — один:
Три вида вин, плюс керосин,
Жасмин — и вот вам блин!
(Добавь на вкус
Сухих медуз
Плюс дуст, и стрекозливый бюст,
И соль, и витамин.)

Какой же следует итог? —
Закончил Многоног. —
Мой вкус — все видят — как и слог,
Изыскан, точен, строг.

Но я легко отдать бы мог
Все это — ох! (глубокий вздох) —
За нашего чудного,
Нашего судна — о! —
Самый
Ничтожный
Кусок!

Все были счастливы. Солнце весело сияло в шелковом синем небе. Ветер стих. Чудо-Песик, как огромный шар, катил в сиянии лучей по серебристым волнам.

19

— Гляньте-ка! — крикнул Многоног, когда все уже немного подкрепились. — Что это, что это там скользит по воде — маленькое и черненькое!

Все повернулись и посмотрели.

— Ой, а вон еще! — вскрикнула мисс Паук.

— Да их много! — удивилась Божья Коровка.

— О чем, о чем речь? — разволновался Червяк.

— Это, наверно, рыбы такие, — решил Старый Зеленый Кузнечик. — Плывут, чтобы с нами познакомиться.

— Это акулы! — завопил Червяк. — На что хотите спорим — это акулы, и плывут они, чтобы нас сожрать!

— Абсолютнейший бред, — отрезал Многоног, но в голосе его звучала некоторая неуверенность, и он нервно расхохотался.

— Это акулы! Убежден! — настаивал Червяк. — Просто не сомневаюсь.

Честно говоря, остальные тоже не сомневались, но от ужаса сами себе боялись в этом признаться.

Все вдруг примолкли. И смотрели вни- на акул, которые широкими, медленными кру- гами плавали вокруг Персика.

— Ну, пусть, предположим, даже и акулы, — за- явил Многоног. — Нам здесь ничего не грозит.

Но не успел он выговорить эти слова, как одно из тощих черных существ изменило направление и двинулось прямо на них. Акул- застыла и сверлила компанию своими злым- отвратными глазками.

— Уйди! — крикнули все хором. — Уйди, гадко- чудище!

Медленно, как-то лениво даже, акула рази- нула пасть — там без малейшего труда умести- лась бы детская коляска — и сделала бросо- в сторону Персика.

Все в ужасе ждали.

И вот, как бы по знаку вожака, остальные- акулы тоже поспешили к Персику и явно при- готовились его атаковать. А было их штук два- дцать, нет, тридцать, не меньше, и они толпи- лись, толкались, взбивали хвостами пену.

На Персике царила паника — форменно- безумие.

— Ох, мы погибли! — кричала мисс Паук, зала- мывая ножки. — Они уничтожат Персик, у нас не будет опоры, и они примутся за нас!

— Вы правы, мисс Паук! — кричала Божья Ко- ровка. — Мы обречены!

— О-о-о! Я не могу, я не хочу, я не желаю, чтоб меня сожрали! — рыдал Червяк. — А меня-то сожрут первым, я же такой жирный, сочный, и совсем без косточек!

— Но неужели, неужели, неужели ничего нельзя поделать! — взмолилась Божья Коровка и посмотрела на Джеймса. — Уж ты-то, конечно, придумаешь какой-нибудь выход!

И тут все остальные тоже посмотрели на Джеймса.

— Думай, — молила Божья Коровка. — Думай, думай, думай, Джеймс!

— Ну! — крикнул Многоног. — Ну, Джеймс! Думай! Что-то ведь можно придумать!

Все глаза смотрели на Джеймса — пристально, с тревогой, с трогательной надеждой.

≈ 20 ≈

— Ну, кажется... да, можно попробовать одну такую штуку... — медленно проговорил Джеймс. — Я не совсем уверен, но...

— Говори! — не выдержал Червяк. — Не томи!

— Да ты только скажи! А уж мы попробуем, по-
пробуем! — кричал Многоног. — Только скорее,
скорей, скорей!

— Тише вы, слово мальчику не даете сказать,
вмешалась Божья Коровка. — Ну, Джеймс! Ну!
Ну!

Все придвинулись поближе к Джеймсу. По-
висло тягостное молчание.

— Ну! — наконец крикнули все хором. — Ну!
Ну! Ну!

Все ждали, что скажет Джеймс, и в то же
время не могли — не могли! — не слышать,
как внизу, под ними, колотят по воде хвостами
акулы. Да, так с ума можно сойти!

— Ну, Джеймс, говори, говори же, — молила Бо-
жья Коровка.

— Я... я... я боюсь, что ничего у нас не получит-
ся... — Джеймс тряс головой. — Вы уж простите
меня, пожалуйста, если только можете. Я совсем
забыл. У нас же веревки нет. А тут нужны сотни
и сотни метров веревки...

— Какой именно? — строго спросил Старый Зе-
леный Кузнечик.

— Ах, да какая разница, лишь бы крепкая была,

— Но, милый юноша, чего-чего, а веревки в на-
шем хозяйстве сколько угодно.

— Как это? Где?

— А Шелковичник на что? — крикнул Старый
Зеленый Кузнечик. — Забыл про него? Он внизу

остался. Шевельнуться лень. Целыми днями
дряхнет. Но мы живо его растолкаем и заставим
работать.

— А я что же, позвольте спросить? Не в счет? —
неохотно осведомилась мисс Паук. — Я пряду
не хуже любого Шелковичника. И вдобавок
умею воспроизвести буквально любой узор.

— И вы смогли бы работать сообща? — обрадо-
вался Джеймс.

— Почему бы нет? Пожалуйста.

— И быстро?

— Не вопрос.

— И веревка получится крепкая?

— Крепче не бывает. И толщиной с твой палец,
да. А что? Что ты задумал?

— Я задумал поднять наше судно над уровнем
моря, — решительно объявил Джеймс.

— Совсем обалдел, — проворчал Червяк.

— Но у нас нет другого выхода.

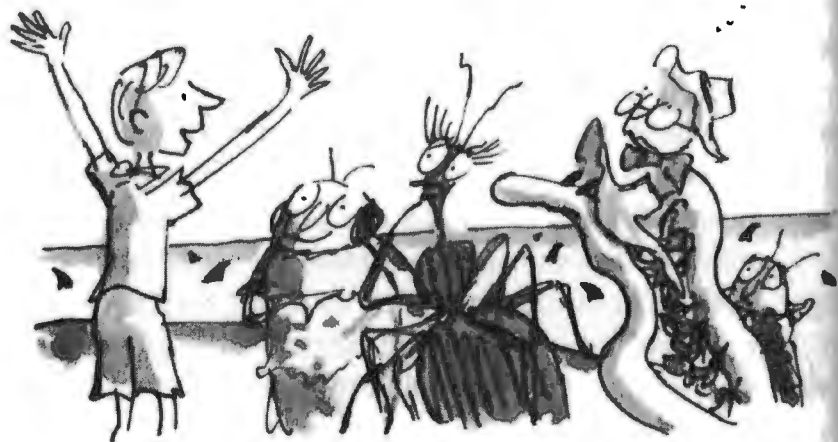
— У мальчишки зашел ум за разум!

— Да он просто шутит!

— Продолжай, Джеймс, — спокойно прогово-
рила Божья Коровка. — Объясни нам, каким
образом ты собираешься осуществить свой за-
мысел?

— С помощью крючков в небе, — прыснул Мно-
гоног.

— С помощью чаек, — ответил Джеймс невоз-
мутимо. — Их тут полным-полно. Смотрите!

Все подняли глаза и увидели великое множество кружащих по небу чаек.

— Я собираюсь взять длинную шелковую веревку, — продолжал Джеймс, — и один ее конец накинута на шею чайке, а другой прикреплю к черенку Персика, — и Джеймс им показал на этот черенок: толстой короткой мачтой он торчал посреди палубы. — Потом берется вторая чайка и проделывается то же самое, потом третья, потом...

Смехота! — кричали вокруг.

Бредятина!

Дичь!

Ерунда!

Абсурд!

Абракадабра!

Галиматья!

А Старый Зеленый Кузнечик кротко осведомился:

— Как смогут эти несчастные чайки поднять на воздух такую громадину, и еще нас впридачу? Тут ведь сотни нужны, юноша, тысячи...

— Чаек тут хватит, — твердо ответил Джеймс. — Сами смотрите. Нам понадобится... ну, пятьсот... ну, шестьсот... от силы тысяча... ну, я не знаю... я буду их привязывать, привязывать, привязывать к мачте, и потом их станет достаточно, и они нас поднимут на воздух! Им придется — куда они денутся? Возьмем, например, воздушные шары. Дайте мальчику, или даже взрослому, в руки много-много воздушных шаров — то есть много-много-много! — и ведь он на них улетит, верно же? А у чайки подъемная сила больше, чем у воздушного шара. Ах, только бы успеть! Пока акулы нас не потопили!

— Совсем у тебя крыша поехала, что ли? — возмутился Червяк. — Да как, как, как ты накинешь чайке петлю на шею? Сам, что ли, взлетишь, чтоб ее поймать?

— Мальчишка совсем чокнулся, — подытожил Многоног.

— Дайте же мальчику договорить, — вмешалась Божья Коровка. — Продолжай, Джеймс. Как ты намерен все это осуществить?

— Я стану их ловить на наживку.

— Да? И на какую же, интересно?

— На Червяка, естественно. Какая чайка устоит перед Червяком? Они же червяков обожают. Неужели вы не замечали? А на наше счастье в наших рядах — огромный, жирнейший, прекраснейший, самый сочный на свете Червяк

— Пре-кра-ти! — крикнул Червяк не своим голосом. — Кажется, хватит!

— Ну, продолжай, продолжай, — понукали Джеймса все остальные с жадным интересом.

— Да ведь чайки его уже заметили, — продолжал Джеймс. — Не то с чего бы они так кружили над нами? Но сцапать его они не посмеют, пока мы рядом. А потому...

— Довольно! — крикнул Червяк. — Хватит! Я не хочу! Я не желаю! Я, наконец, протестую! Я... я... я...

— Тише ты, — цыкнул на него Многоног. — Тебя не спросили!

— Здрасьте!

— Милый Червячок, тебя все равно сожрут, так какая тебе разница — акулы или чайки?

— Не хочу! Не желаю! Протестую!

Но почему бы нам не дослушать план Джеймса... — начал Старый Зеленый Кузнечик.

— Плевать я хотел на его план! — перебил Червяк. — Я протестую! Я не допущу! Я не желаю быть склеванным кликой каких-то презренных пауков!

— Ты примешь смерть святого мученика, — успокоил его Многоног. — Я лично до конца твоих дней буду тебя чтить.

— И я, — вздохнула мисс Паук. — И про тебя в газетах напишут: «Червяк отдал свою жизнь для спасения ближних...»

— Но ему вовсе не придется отдавать свою жизнь, — сказал Джеймс. — Выслушайте же меня. Мы сделаем так...

21

— Ах, это поистине великолепно, юноша, — поразился Старый Зеленый Кузнечик, когда Джеймс изложил свой план.

— Мальчишка просто гений! — постановил Многоног. — Слава богу, мне не придется разуваться.

— Ох, но меня же заключут, заключут...

— Да ничего подобного!

— Нет, заключут, заключут, я знаю. И, главное, я не смогу взглянуть врагу в лицо из-за досадного отсутствия глаз!

Джеймс подошел к Червяку и ласково обнял его.

— Я не позволю им тебя и клювом тронуть, — пообещал он. — Честное слово. Но надо спешить! Смотрите, смотрите!

Акул вокруг Персика стало еще больше, гораздо больше. Вода так и кипела. Их было уже

ниверно, девяносто, нет, даже сто! И нашим путешественникам вдруг показалось, что судно все глубже и глубже погружается в воду.

— Внимание! — крикнул Джеймс. — Нельзя терять ни минуты!

Он был теперь капитан корабля. И все это понимали. И готовы были его слушаться — беспрекословно.

— Всей команде — спрятаться под палубой. Кроме Червяка.

— Да-да-да-да! — все поспешили к входу в туннель. — Скорей-скорей-скорей!

— А вас, Многоног, — окликнул Джеймс, — попрошу поспешить вниз и — немедленно! — передать Шелковичнику, чтобы тот срочно принимался за работу. Пусть плетет веревку на предельной скорости. Речь идет о жизни и смерти! И к вам, мисс Паук, это тоже относится. Вниз, вниз, вниз! И — за дело!

22

В два счета все было готово.

На палубе воцарилась полнейшая тишина. И не было никого — кроме Червяка.

Одна половина Червяка, как огромная, сочная розовая сосиска, преспокойно загорала себе на солнышке, соблазняя чаек.

А другая половина свешивалась в туннель.

Джеймс притаился рядом с Червяком у самого входа, поджидая первую чайку. И в руке у него была шелковая петля.

Старый Зеленый Кузнечик и Божья Коровка устроились чуть пониже и держали Червяка за хвост, чтобы — по приказу Джеймса — сразу его втянуть внутрь и спасти.

А еще ниже, в огромной пустой персиковой косточке, Жук-Светляк изо всех сил освещал помещение, чтобы Шелковичнику и мисс Паук не приходилось работать вслепую. Многоножка был там же, он самоотверженно их вдохновлял, и то и дело до Джеймса долетал его крик: «Эй Шелковичник, ленивая ты образина, а ну подними! Живей, тебе говорят, не то акулам скормлю!» — Вот она, первая чаечка, — шепнул наконец Джеймс, — держись, Червячок. Замри. Остальным — приготовиться!

— Ох, только б она меня не проткнула, — панковал Червяк.

— Спокойно, спокойно, ш-ш-ш...

Краем глаза Джеймс видел, как чайка, кружа, снижалась к Червяку. Вдруг она оказалась так близко, что он увидел черный глаз, ухмыляющийся клюв... и вот уже клюв этот раскрылся, предвкушая большой лакомый кусок Червяка! — Тяните! — крикнул Джеймс.

Старый Зеленый Кузнечик и Божья Коровка изо всех сил дернули Червяка за хвост,

и — как по волшебству — палуба опустела. В тот же самый миг Джеймс поднял руку, и чайка угодила в шелковую петлю. Хитрая петля затянулась — не чересчур туго, а в самый-самый раз — у чайки на шее. Ах, попалась, птичка стой!

— Ур-р-ра! — вскричал Старый Зеленый Кузнечик, выглядывая из туннеля. — Молодчина Джеймс!

Чайка взлетала, взлетала, а Джеймс отпускал и отпускал шелковую веревку. Отпустил метром на пятьдесят и закрепил на мачте.

— Продолжаем операцию! — приказал он, прыгая в туннель. — Червяку — на пост! Многоножку — идти за веревкой!

— Не нравится мне все это, ох не нравится, — причитал Червяк. — Она же просто промахнулась! Совсем была рядом, ах!

— Ш-ш-ш, — шикнул на него Джеймс. — Тихо! Уже другая летит!

И все повторилось снова.

И опять, и опять, и опять.

Чайки подлетали, Джеймс их ловил, одну за другой, и привязывал к мачте.

— Уже сто чаек! — крикнул он, утирая пот со лба.

— Давай-давай! — отвечали ему. — Продолжай, Джеймс!

— Уже двести!

Триста!

Четыреста!

Акулы как чувствовали, что у них буквально из-под носа вырывают добычу. Они еще пуще прилились, кидались на Персик, а он — он все ниже погружался в воду.

— Пятьсот чаек! — крикнул Джеймс.

— Шелковичник заявляет, что он совсем истощен! — орал снизу Многоног. — Говорит, долго не продержится! И мисс Паук туда же!

— Скажите им одно слово: НАДО! — ответил Джеймс. — Сейчас не время складывать ножки!

— Поднимаемся! — крикнул кто-то.

— Ну прямо!

— А вот и да!

— Еще одну бы чаечку!

— Ш-ш-ш! Вон она — летит!

Это была пятьсот первая чайка, и в ту самую секунду, когда Джеймс ее поймал и привязал к мачте, в ту же секунду весь Чудо-Персик медленно-медленно-медленно стал подниматься над водой.

— Внимание! Взлетаем! Держись, ребята!

Но — Персик остановился.

И повис.

Он не опускался, нет, он парил, но выше не поднимался.

Он низом касался воды. Как чаша весов: чуть-чуть ее тронь, и она качнется в сторону.

— Нам одну бы еще только чаечку! — стонал Старый Зеленый Кузнечик, выглядывая из туннеля. — И тогда всё! Всё!

И вот настал великий миг. Пятьсот вторая чашка попалась, была привязана к черенку Персика

И тогда...

Медленно...

Величаво...

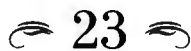
Как сказочный золотой воздушный шар...

Держась на шелковых нитях...

Держась на чайках...

Роняя брызги...

Чудо-Персик поднялся над водой и начал взмывать в небеса.

Все сразу выскочили на палубу.

— Ой, красота!

— Прелесть!

— Чудо!

— Акулочка! Пока-пока!

— Ох, так бы всю жизнь и путешествовать!

Мисс Паук, в прямом смысле слова визжа от радости, обняла Многонога за талию, и они вместе пустились в пляс вокруг мачты. Червяк стоял на хвосте, извивами тела выражая восторг. Старый Зеленый Кузнечик подпрыгивал — все выше, и выше, и выше. Божья

Коровка бросилась к Джеймсу, чтобы от души пожать ему руку. Светляк, по натуре застенчивый и молчаливый, устроился у выхода из туннеля и весь светился от радости. И даже Шелковичник, исхудалый, бледный, в полном изнеможении, все-таки выполз на палубу по любоваться восхитительным взлетом.

Они поднимались, поднимались, поднимались над морем и скоро были уже на высоте церковной колокольни.

— Я немного тревожусь за наш Персик, — сказал Джеймс, когда наконец поутихли восторженные крики и пляски. — Неизвестно еще, как обьедит его снизу эти твари. А отсюда это совершенно невозможно выяснить.

— Почему же? Я могу спуститься и организовать осмотр, — сказала мисс Паук. — Уверяю вас, это вовсе не трудно.

И, не дожидаясь ответа, она живо спрянула шелковую нить и привязала к мачте.

— Я мигом, — и она преспокойно прошла по нити к самому краю палубы, травя за собой снасть.

Все в тревоге столпились у борта.

— Вот ужас будет, если нить оборвется! — не сдержалась Божья Коровка.

Все долго молчали.

— Мисс Паук, как вы там? — не вынес наконец напряжения Старый Зеленый Кузнечик.

О, благодарю вас, — раздался снизу спокойный голос мисс Паук. — Я уже поднимаюсь.

И вот она показалась, перебирая ножками по шелковой нитке, а потом аккуратно подбирала ее за собой.

— Ну что? Жуть? Кошмар? — посыпались на нее вопросы со всех сторон. — Все объедено? Сплошные пробоины?

Мисс Паук вскарабкалась на палубу с довольным, хоть и несколько озадаченным выражением лица.

— Вы не поверите, — проговорила она. — Но — почти никаких повреждений. Персик почти не тронут. Ну разве что... чуть-чуть... кое-где пооткусано.

— Может быть, вы ошибаетесь? — усомнился Джеймс.

— А то! Ошибается, конечно! — крикнул Многоног.

— Уверяю вас, я ничуть не ошибаюсь, — спокойно возразила мисс Паук.

— Но ведь вокруг ярились сотни акул!

— Всю воду взбаламутили!

— Так и разевали свои мерзкие пасти!

— Мы же собственными глазами видели!

— Ну и что? — мисс Паук была все так же невозмутимо спокойна. — Они почти не тронули Персик.

— А почему же тогда, интересное кино, мы начали тонуть? — не унимался Многоног.

— А может, вовсе мы и не тонули? — предположил Старый Зеленый Кузнечик. — А может, это нам с перепугу померещилось!

И, как ни странно, он был куда ближе к истине, чем все предполагали. У акулы, надо вам сказать, ужасно длинный нос, а пасть расположена где-то внизу — исключительно неудобно. И акула просто не в состоянии вонзить зубы во что-то такое большое и круглое, как наш Чудо-Персик. Ну, предположим, она даже перевернулась бы на спину. А толку-то? Нос ей все равно бы мешал. Если вы когда-нибудь наблюдали, как маленький щенок пытается вонзить зубки в огромный мяч, вы, хоть и очень отдаленно, сможете себе представить положение бедных акул, посягавших на Персик.

— Может, здесь опять-таки волшебство, — предположила Божья Коровка, — и дыры затянулись сами собой?

— Ой, смотрите! Под нами корабль! — крикнул Джеймс.

Все кинулись к борту и посмотрели. Никто, кроме Джеймса, в жизни еще не видывал кораблей.

— Ого! Громада какая!

— И три трубы!

— И люди, люди!

— Давайте им помашем. Интересно, они нас видят?

Ни Джеймс, ни кто другой, естественно, знать этого не могли, но внизу был не просто какой-то там корабль, а именно «Куин Мэри», и она выплыла из Ла-Манша и держала курс к берегам Америки. А на мостике «Куин Мэри» стояли капитан и двое его помощников и, разинув рты, смотрели на огромный шар, проплывающий по небу.

— Не нравится мне это, — сказал наконец капитан.

— И мне, — сказал первый помощник.

— Вы полагаете, он нас преследует? — спросил второй помощник.

— Говорю вам, не нравится мне это, — только и ответил капитан.

— Он, возможно, опасен, — сказал первый помощник.

— Безусловно! — крикнул капитан. — Это новейшее секретное оружие! Елки зеленые! Немедленно доложить королеве! Оповестить народ! И... подайте мне сюда мою подозрную трубу!

Первый помощник тут же подал капитану подозрную трубу. Капитан поднес ее к глазам.

— Полчища птиц! — крикнул он. — Застят все небо! Чем же это они там занимаются? Господи! Что это? Да на шаре кто-то есть!!! Я вижу — шевелятся! И... э-э-э... может, эта дрянь не в фокусе? Там же мальчик в коротких штанишках! Да, там совершенно точно стоит мальчик в коротких штанишках! И — э-э-э... там же *гигантская божья коровка!*

— Минуточку, минуточку, капитан, — сказал первый помощник.

— ...и *колоссальный зеленый кузнечик...*

— Господи, опять он прикладывался к виски, — шепнул второй помощник.

— ...и *необозримая, поистине необозримая сороконожка...*

— Срочно судового врача! — крикнул первый помощник. — Капитану дурно!

А мгновение спустя огромный шар скрылся в облаках, а на корабле — на корабле только его и видели.

А на Чудо-Персике все по-прежнему радовались и веселились.

— Любопытно, куда нас несет на сей раз, — вздохнул Червяк.

— Какая разница, — отвечали ему, — чайки все равно в конце концов прилетят к берегу.

Все выше они поднимались, все выше — выше самых высоких облаков, а Персик уютно покачивался из стороны в сторону и плыл себе по воздуху.

— Не пора ли немного помузицировать? — предложила Божья Коровка. — Что скажет на это Старый Зеленый Кузнечик?

— С превеликим удовольствием, сударыня, — и Старый Зеленый Кузнечик отвесил ей глубокий поклон.

— Ура! Старый Зеленый Кузнечик нам сейчас сыграет! — закричали все. Компания тотчас усеялась в кружок возле Старого Зеленого Кузнечика, и начался концерт.

С первых же тактов слушатели были совершенно зачарованы. Ну, а Джеймс — тот вообще никогда не слышал подобной музыки. У себя дома, в саду, летними вечерами он часто слушал стрекот кузнечиков в траве, часто и с удовольствием. Но это — это было нечто совсем иное. Это была настоящая музыка: ноты, аккорды, мелодия — все как положено!

А уж инструмент, на котором Кузнечик играл! Как он был похож на скрипку! Ну в точности, в точности, ну вылитая скрипка!

Смычком для игры на этой скрипке кузнечик служила задняя нога. Струны ему заменяло крыло. Он пользовался только верхней частью ноги — бедром — и водил этим бедром вверх-вниз по крылу исключительно мастерски: то медленно, то быстро-быстро, но с неизменной легкостью. Ну в точности как водил смычком искусный скрипач! Из-под смычка (то есть из-под бедра) лилась дивная музыка и наполняла все синее небо божественными мелодиями.

По окончании первого отделения раздался бурный аплодисменты, а мисс Паук даже вскочила с места и крикнула:

— Браво! Бис!

— Ну, а тебе? Тебе понравилось, Джеймс? — и Старый Зеленый Кузнечик расплылся в широкой улыбке.

— Ох, очень-очень понравилось! Такая красота! Прямо настоящая скрипка!

— *Настоящая* скрипка! — обиделся Старый Зеленый Кузнечик. — Ну, ты скажешь тоже... Мой милый юноша, я и есть самая что ни на есть настоящая скрипка! Мой инструмент — мое собственное тело!

А все другие кузнечики — они тоже скрипачи? — спросил Джеймс.

— О нет, — ответил Старый Зеленый Кузнечик. — Отнюдь. Ежели угодно знать, я — короткоусый кузнечик, с вашего позволения. У меня на голове два коротких усика. Видишь? Вот они. Совсем коротенькие, да? Потому меня и называют короткоусым. Только мы, короткоусые кузнечики, скрипачи и пользуемся смычком. Мои длинноусые родичи, у которых на голове длинные изогнутые усы, — те музицируют, элементарно потирая крыло о крыло. А это совсем другое дело. Ну, и звук у них, естественно, не идет ни в какое сравнение с нашим. Разве это скрипка? Так, банджо какое-то. — Ой, как интересно! — сказал Джеймс. — И вот ведь какая штука! До сих пор я и думать не думал о том, каким образом кузнечики исполняют свою музыку.

— Мой юный друг, — и Старый Зеленый Кузнечик ласково улыбнулся. — На свете много есть таких вещей, о которых ты до сих пор и думать не думал. Вот, например... Где, как ты полагаешь, у меня уши?

— Уши? На голове, конечно! Где же еще быть ушам!

Все так и покатались со смеху.

— Неужели ты *даже этого* не знаешь? — крикнул Многоног.

— Ну, подумай хорошенько, — и Старый Зеленый Кузнечик улыбнулся Джеймсу еще ласково.

— Ну! Где же им еще быть!

— Да, в том-то и вопрос. Вот именно — где?

— Ладно. Сдаюсь. Ну, и где же они у вас?

— А вот тут, — показал Старый Зеленый Кузнечик. — На брюшке, с боков, по одному с каждой стороны.

— Ну как же это! Быть такого не может!

— А почему, собственно? Что тут такого особенного? Посмотрел бы ты, где носят уши кое-какие мои родственники — сверчки и цикады!

— Ну и где? Где?

— А на ногах. По одному на каждой передней ноге. Под коленками.

— Ты что, и этого не знал? — Многоног даже весело искривился от презрения.

— Да вы шутите, — протянул Джеймс. — Ну не могут уши на коленках расти.

— Интересно знать, почему?

— Ну, потому что... потому что... потому что это просто смешно.

— Да? А по-моему, знаешь, что смешно? — и тут Многоног наконец от души расхохотался. — Не хочу никого обижать, но, по-моему, смешно носить уши на голове. Вот это смешно так смешно. Глянь как-нибудь в зеркало — сам убедишься.

- Вот паразит! — не выдержал Червяк. — Почему надо вечно всех оскорблять и унижать? А ну немедленно извинись перед Джеймсом!

25

Джеймсу очень не хотелось, чтобы Червяк и Многоног снова затеяли ссору, и потому он поскорей спросил у Червяка:

— Скажите, а вы на каком-нибудь инструменте играете?

— Нет, но я тоже кое на что способен и умею делать поистине изумительные вещи.

— Какие именно?

— А вот послушай, — и Червяк стал рассказывать. — В следующий раз, когда ты окажешься в саду или в поле и будешь смотреть вокруг, помни: каждый клочок земли, каждая песчинка, каждая частичка прошла сквозь тело какого-нибудь червяка. Вошла в него — и вышла. Разве это не изумительно?

— Невероятно! — подтвердил Джеймс.

— Невероятно, но факт, мой милый мальчик.

— И вы хотите сказать, что в самом деле глотаете землю?

— Как безумные, — подтвердил Червяк гордо. — Пропускаем всю ее через себя.

— Но какой в этом смысл?

— Что значит какой?

— Ну, зачем вы это делаете?

— Ради фермеров. Земля благодаря нашим усилиям делается мягкая, рыхлая, рассыпчатая, и на ней все хорошо растет. Да фермеры, если хочешь знать, без нас бы просто пропали. Мы нужны. Мы полезны. Мы необходимы. Так что вполне понятно, что фермер нас любит. Любит, думаю, даже больше, чем Божью Коровку.

— Ой, Божья Коровка, — спросил Джеймс, повернувшись к ней, — а вас тоже любят?

— Так говорят, — отвечала Божья Коровка застенчиво и даже вся покраснела. — Да, действительно, некоторые фермеры до того нас любят, что едут за тридевять земель, покупают целые мешки божьих коровок, а вернувшись домой, выпускают их к себе на поля. И рады-радешеньки, если на полях у них много божьих коровок.

— Но почему?

— А потому, что мы пожираем вредных маленьких насекомых, которые норовят пожрать у фермеров весь урожай. Мы приносим фермерам неоценимую пользу, причем совершенно бесплатно.

— И это исключительно благородно с вашей стороны, — согласился Джеймс. — Но можно я задам вам один нескромный вопрос?

— Пожалуйста.

— Ну так вот. Правда ли, что сколько у Божьей Коровки пятен — столько ей и лет?

— Ах, ну что вы. Типичные детские сказки! — улыбнулась Божья Коровка. — Мы никогда не меняем своих пятен. Конечно, у кого-то от рождения больше пятен, у кого-то меньше, но мы их носим всю жизнь. По количеству пятен Божьей Коровки можно только определить, к какому она принадлежит семейству. Я, например, как ты и сам можешь убедиться, Десятипятенная Божья Коровка. Мне посчастливилось. Это же так красиво, так благородно, так изящно.

— Да, конечно! — согласился Джеймс и внимательно оглядел прелестный красный панцирь с девятью черными пятнами.

— А с другой стороны, — продолжала Божья Коровка, — у иных моих незадачливых родственников всего-то по два пятна! Вообрази! Они так

и называются — Двухпятнашки, и, не скрою, это — увы! — весьма примитивные, вульгарные и неотесанные особы. Ну, есть, конечно, и Пятипятенные Божьи Коровки. Эти, естественно, куда милей и тоньше Двухпятнашек, хотя, на мой вкус, чересчур кокетливы.

— Но их всех все равно любят? — спросил Джеймс.

— Да, — Божья Коровка потупилась, — их любят. Всех-всех.

— Кажется, здесь почти каждого любят! — сказал Джеймс. — Ах, как приятно!

— Только уж не меня! — захохотал Многоног. — Я паразит и горжусь этим! О! Я такой поразительный паразит!

— Что правда, то правда, — усмехнулся Червяк.

— Ну, а вы, мисс Паук? — спросил Джеймс. — Вас тоже все очень любят?

— Ах, увы, — и мисс Паук громко, протяжно вздохнула. — Меня *совсем* не любят. А ведь я — я делаю только добро. Целыми днями я ловлю мух и комаров в свои сети. Я вполне достойная личность.

— Еще бы, — согласился Джеймс.

— К паукам сложилось ужасно несправедливое отношение в обществе, — продолжала мисс Паук. — Да что говорить! Еще на прошлой неделе твоя дикая тетя Пика спустила моего бедного папочку в унитаз!

— Ужас какой! — вздохнул Джеймс.

— И я — я это видела собственными глазами из угла под потолком, — простонала мисс Паук. — Это было чудовищно. Он там исчез — навсегда.

По щеке ее скатилась крупная слеза и со стуком упала на пол.

— Но убить паука — ведь это плохая примета? — Джеймс обвел глазами собравшихся.

— Естественно, это очень плохая примета! — крикнул Многоног. — Самая что ни на есть плохая! И помните, что случилось с тетей Пикой, после того как она это сделала? А? И как нас потрянуло, когда она попала под Персик вместе со своей сестрицей тетей Плюхой? Ой, воображаю, как вы обрадовались, мисс Паук!

— Не скрою, мне было приятно, что мой отец отмщен, — призналась мисс Паук. — И вы, как поэт-песенник, может, нам про это споете?

И Многоног спел:

Плюха как-то раз (в туалете)
Призадумалась о диете:
«Да, пожалуй, это не дело,
Пожалуй, мне надоело
Вечно-вечно
— повсюду на свете —
Только на мягком сидеть!

Может, лучше быть стройной и гибкой?
Может, мой аппетит был ошибкой?
Стройность, стройность! Да, это идея!
Есть не буду!
И — похудею!»

А тут подоспел Чудо-Персик!
Наш дорогой Чудо-Персик,
И он ей помог
Похудеть!

— Очень мило, — одобрила мисс Паук. —
Но не споете ли заодно и про тетю Пику?

— С превеликим моим удовольствием, — и Многоног широко улыбнулся.

И спел:

Тетя Пика сложеньем была как скелет,
Ну разве что чуть покостлявей,
«Может, это красиво? — она думает. — Нет!
Не пора ль себе веса прибавить?»

Решено и подписано,
Надо уписывать
Больше сладкого, жирного. Ладно.
Буду кушать мороженое,
Буду кушать пирожное
И — главное —
Торт шоколадный!

И в ближайшем же времени —
Никакого сомнения —
Изменю
Идеально
Фигуру!
Буду пончик точь-в-точь!»
Как тут ей не помочь?
И вот
Персик,
Наш Чудо-Персик,
Взял и — да! —
Изменил эту дуру!

Все бурно аплодировали и просили Многонога спеть что-нибудь еще такое же благородное, что-нибудь о подвигах, и, не долго думая, он спел на бис свою самую-самую-самую любимую песенку:

Дама Бубён
Варила бульон

И пудинг пекла на обед.
Десятка Бубён
Украла бульон,
А пудинг украл валет.
Король Бубён
Спросил про бульон
И пудинга ждал на обед.
Десятка Бубён
Вернула бульон
А пудинг вернул...

— Осторожно, Многоног! — крикнул Джеймс. —
Остерегись!

26

Многоног, распевая, пустился в пляс вокруг мачты и до того увлекся, что очутился у самого борта и три роковых мгновения балансировал на краю пропасти. Он отчаянно размахивал всеми своими ногами, чтобы в нее не рухнуть. И — никто так и не успел броситься к нему на выручку! Он упал! С воплем ужаса он летел и летел вниз, а вся компания смотрела вниз и видела, как длинное тело Многонога уменьшалось, уменьшалось, уменьшалось, пока наконец совсем не исчезло из виду...

— Шелковичник! — крикнул Джеймс. — Скорей! Пряди веревку!

Шелковичник вздохнул — он ведь еще не совсем оправился после проделанной работы, но ничего не попишешь, пришлось ему исполнять приказ Джеймса.

— Я за ним! — крикнул Джеймс, схватил веревку, которую только еще начал выпускать Шелковичник, и обмотал вокруг талии. — А вы все крепко держите Шелковичника, чтоб я его не утащил за собой. А потом, когда я три раза дерну за веревку, тяните меня обратно!

И он прыгнул и полетел за Многоногом — вниз, вниз, вниз, к самому морю, и вы только представьте себе, с какой скоростью приходилось прятать Шелковичнику, чтоб поспеть за его полетом!

— Больше мы их никогда не увидим, — простонала Божья Коровка. — Боже ты мой! Надо же случиться такому несчастью! И как раз когда нам всем было так весело!

Мисс Паук, Божья Коровка, Светляк — все разрыдались. И Червяк тоже плакал.

— Многонога мне не жалко, — всхлипывал он, — ничуть. Но я так полюбил нашего милого мальчика!

Очень, очень тихо Старый Зеленый Кузнечик заиграл на скрипке траурный марш, а когда он кончил, уже все, включая и его самого, заливались горячими слезами.

И вдруг за веревку дернули! Три раза!

— Тяните! — завопил Старый Зеленый Кузнецик. — Все становитесь за мной и тяните!!!

Пришлось вытягивать целый километр веревки, но тянули все-все, тянули как безумные, и вот наконец над бортом показался насквозь промокший Джеймс, а за ним, вцепившись в него всеми своими сорока двумя ногами, — насквозь промокший Многоног.

— Он спас мне жизнь! — едва отдышавшись, проговорил Многоног. — Он кружил, кружил по всему Атлантическому океану, пока меня не обнаружил.

— Мой милый мальчик, — и Старый Зеленый Кузнечик похлопал Джеймса по спине, — позволь тебя поздравить!

— Но мои башмаки! — уже вопил Многоног. — Вы только посмотрите на мои изумительные башмаки! Они испорчены вдрызг!

— Уймись, — отрезал Червяк. — Лучше спасибо скажи, что жив остался.

— А мы что же, все еще поднимаемся? — спросил Джеймс.

— Вот именно, — вздохнул Старый Зеленый Кузнечик. — А ведь уже темнеет.

— Да-да, я понимаю. Скоро настанет ночь.

— Но почему бы нам не спуститься в помещение и не погреться до утра? — предложила мисс Паук.

— Нет, — решил Старый Зеленый Кузнечик. — Это, полагаю, было бы неразумно. Лучше всю ночь простоять вместе на вахте. Надо быть начеку. Как бы чего не случилось.

27

Джеймс Генри Круизо и его товарищи, тесно прижавшись друг к другу, сидели вокруг мачты, а ночь все сгущалась. Над головой у них громоздились тучи — синие, грозные, таинственные. Тьма постепенно густела, густела, и вот над тучами поднялась бледная ущербная

луна и все залила своим странным, зловещим светом. Чудо-Персик, мягко покачиваясь, плыл и плыл, и сотни белых, расходившихся от его черенка нитей нежно посверкивали в лунном свете. И так же посверкивало в лунном свете многое множество чаек.

И вокруг было тихо-тихо. Путешествие на Персике в этом смысле резко отличается от путешествия на самолете. Самолет несется по небу с грохотом и воем, и все, что таится в облаках, спешит еще понадежней упрятаться при его приближении. Вот почему, летя на самолете и глядя в окно, вы абсолютно ничего не видите.

А вот Персик... О, Персик летел тихо, незаметно, не производя ни малейшего шума

И много раз за время этого бесшумного ночного полета при луне, над океанской ширью, Джеймс и его друзья видели такое, что и не снилось пассажирам самолетов.

Так, например, пролетая мимо огромного белого облака, они увидели на нем... да, но кого же? И вообще, были это одушевленные или неодушевленные предметы? Их трудно было разглядеть, потому что они почти сливались с облаком из-за своей белизны, но, когда Персик подлетел уж совсем близко, оказалось, что они одушевленные, и даже очень, и что они высокие, ростом выше обычных людей, правда, похожи скорей на призраков, причем какие-то они не то ватные, не то леденцовые и вдобавок поросли длинными-длинными белыми волосами.

— О-о-о-о! — шепнула Божья Коровка. — Не нравится, не нравится мне это!

— Ш-ш-ш-ш, — шепнул Джеймс ей в ответ. — Только бы они нас не услышали. Это... кажется, это воздушные люди.

— Воздушные люди! — и все еще теснее прижались друг к дружке. — Только этого нам не хватало!

— Я благословляю судьбу, — проговорил Червяк, — что в силу своей слепоты не могу их видеть. Не то бы я, наверно, не удержался и завизжал.

— Лишь бы *они* нас не у-ув-видели, — мисс Паук стала даже заикаться от волнения.

— Как думаете, они нас съедят? — прошептал Червяк.

— Тебя-то уж точно съедят, — и Многоног ухмыльнулся. — Нарезут тоненькими-тоненькими ломтиками, как салями, и наготовят бутербродов!

Бедный Червяк весь затрясся от страха.

— Однако чем они там занимаются? — шепнул Старый Зеленый Кузнечик.

— Не знаю, — шепнул Джеймс ему в ответ. — Давайте посмотрим.

А воздушные люди стояли на облаке тесной толпой и делали что-то абсолютно непонятное. Протянут руки — все разом — и отхватят кусок облака. Потом разминают, разминают эти

куски, пока не получатся белые такие шарики. Потом скидывают эти шарики в кучу. А потом опять — отхватят от облака кусок, разминают, и все начинается снова.

И делалось это тихо, таинственно. И гора шариков все росла и росла. Их уже хватило бы на целый грузовик.

— Эх, да они там просто чокнутые! — гаркнул Многоног. — Чего их бояться-то!

— Да тише ты, — зашептал Червяк. — Они всех нас слопают, если только увидят.

Но воздушные люди так увлеклись работой, что ни малейшего внимания не обращали на проплывавший мимо гигантский персик.

А потом те, кто были на Персике, увидели, как один воздушный человек поднял над головой огромные волосатые руки и заорал:

— Порядок, ребята!

Хватаем лопаты!

И в тот же миг все другие Воздушники как-то странно завопили и радостно запрыгали, размахивая руками. А потом схватили огромные лопаты и давай швырять свои шарики, давай их бросать с облаков в небесный простор! Мало того — они пели:

— Сыплем, сыплем мы с лопат
Снег и град,
Снег и град!

Кашель-насморк всем грозят,
Всем грозят,
Всем грозят!

— Да это же град! — шепнул Джеймс. — Они го-
товят град и ссыпают на людей, вниз, на землю!
— Град? — хмыкнул Многоног. — Что за ерун-
да. Сейчас, между прочим, лето. Летом не бывает
града!

— Это у них тренировка, на будущее, — объяснил Джеймс.

— Еще чего! — Многоног, кажется, уже несколько повысил голос.

— Тс-с-с, — зашикали на него со всех сторон.

А Джеймс очень тихо сказал:

— Умоляю вас, Многоног, пожалуйста, не надо шуметь.

Но Многоног только откровенно расхохотался.

— Да эти дураки ничего не слышат! — заорал он во все горло. — Глухие тетери! А? Убедились?

И — никто и ахнуть не успел — он приложил самые передние ноги рупором ко рту и прокричал: — Эй вы, там! Болваны! Олухи! Кретины! Придурки! Чего вы там делаете?

Результат был мгновенный. Воздушники все разом подпрыгнули, будто на них осы напали. И, естественно, тут же увидели огромный, золотистый персик — ведь он был теперь совсем близко. Они завопили, как резаные, и мигом побросали лопаты. Да так и застыли, и стояли в лунном свете, словно высокие белые волосатые статуи, уставившись на гигантский фрукт, проплывающий мимо них.

Пассажиры на Персике — все, кроме Многонога, — замерли в ужасе и гадали, что же теперь будет.

— Допрыгался, паразит несчастный, — процедил Червяк.

— А мне что? А я их не боюсь! — крикнул Многоног и, чтобы лишний раз доказать свою необыкновенную храбрость, вытянулся во весь рост и пустился в пляс, посылая Воздушникам оскорбительные, прямо-таки неприличные жесты всеми своими сорока двумя ногами.

Тут уж те разъярились не на шутку. Набрали полные пригоршни града, дружно бросились к краю облака и стали швырять градины в Персик с гневными воплями.

— Берегись! — крикнул Джеймс. — Всем лечь! Быстро!

И хорошо, что все легли! Если в вас умеючи швырнут крупную градину, она вас огреет не хуже камешка, а то и пули! А уж Воздушники свое дело знали. Был треск — просто пулеметная очередь! Но Джеймс различал, как градины попадали в Персик и с отвратным звуком — хлюп-хлюп-хлюп — впились в мякоть! А потом мерзко — тук-тук-тук — стучали по панцирю Божьей Коровки потому что она, бедняжка, не имела возможности распластаться, как все остальные. А потом — шлеп! — Многоногу угодили по носу, а потом — шлеп-шлеп-шелп! — угодили ему куда-то еще!

— Ой-ой-ой! — вопил Многоног. — Может, хватит? Хватит! Хватит! Хватит! Да совесть-то у вас есть? Остановитесь!!!

А те и не думали останавливаться. Джеймс видел, как волосатые призраки мчатся к куче, хватают градины, швыряют в Персик и бросаются обратно, а когда куча кончилась, они стали отламывать от облака куски, скатывать новые шары, гораздо, гораздо больше, и запускать их, как пушечные ядра.

— Живо! — крикнул Джеймс. — В туннель! Не то мы погибли!

Все метнулись в туннель и через миг уже сидели в персиковой косточке, дрожа от страха и прислушиваясь к грохоту ядер, которые обрушивались на их судно.

— Отныне я инвалид! — стонал Многоног. — Я весь изранен!

— Так тебе и надо, — шипел Червяк.

— Не окажет ли мне кто-нибудь любезность? — попросила Божья Коровка. — Посмотрите, пожалуйста, не поврежден ли мой панцирь.

— Надо зажечь свет! — крикнул Старый Зеленый Кузнечик.

— Не могу, — всхлипнул Светляк. — Моя лампочка — увы! — разбита.

— Так новую вкрути! — гаркнул Многоног.

— Успокойтесь! — сказал Джеймс. — Послушайте! По-моему, в нас уже не стреляют.

Все смолкли и вслушались. Да. Грохот кончился. Тишина.

— Мы спасены!

— Чайки нас вынесли из зоны обстрела!

— Ур-р-ра!

— Пойдем поглядим!

Очень осторожно — сначала Джеймс, за ним остальные — все полезли вверх по туннелю. Джеймс высунул голову, огляделся.

— Все спокойно! — крикнул он. — Нигде! Никого!

28

Один за другим наши путешественники вышли на палубу и осторожно осмотрелись. По-прежнему ярко светила луна, по-прежнему со всех сторон, мерцая, громоздились облака. И только Воздушников нигде не было видно.

— В Персике пробоины! — крикнул Старый Зеленый Кузнечик, заглядывая вниз. — Он весь продырявлен! Сок так и хлещет!

— А? Что я говорил? — это подал голос Червяк. — В нашем судне течь. Нам крышка. Мы тонем.

— Брось трепаться, — отрезал Многоног. — Мы, небось, не на воде.

— О! Вы поглядите! — воскликнула Божья Коровка. — Только поглядите! Умоляю вас! Вон туда!

Все обернулись и посмотрели.

На некотором расстоянии, прямо по курсу, все увидели нечто поразительное. Нечто

огромное и непонятное, с виду как колоссальная арка в небе. И стояла эта арка на гигантском, плоском и бескрайнем, как пустыня, облаке.

— Да что же это такое? — удивился Джеймс.

— Это мост!

— Это огромный, разрезанный пополам обруч!

— Это гигантская подкова, подвешенная к небу!

— Если я ошибаюсь, пусть товарищи меня поправят, — пробормотал Многоног и весь побледнел. — Но только мне кажется, что по этому чему-то лезут и лезут Воздушники?

Повисла страшная пауза. Персик неуклонно близился к арке.

— Да-да, это они!

— Они!

— Их сотни!

— Тысячи!

— Мильоны!

— И слышать ничего не желаю! — вопил несчастный слепой Червяк. — Да пусть меня лучше насадят на крючок, пусть хоть наживкой для воблы сделают, чем снова встречаться с этими кошмарными существами!

— А меня пусть лучше заживо зажарит и сожрет мексиканец! — стонал Старый Зеленый Кузнецик.

— Пожалуйста, сохраняйте спокойствие, — шепнул Джеймс. — Иначе мы пропали.

Все тихо-тихо прижались друг к другу и молча смотрели на Воздушников. Облако буквально ими кишело, но еще больше их взбешало по этой жуткой, по этой ни на что не похожей, ни в какие ворота не лезущей арке.

— Но что это такое, хотела бы я знать? — наконец, не выдержав, шепнула Божья Коровка. И что они там делают?

— Плевать я хотел на то, что они там делают! — Многоног устремился к туннелю. — Я лично не собираюсь тут торчать вечно! Пока-пока!

Остальные от ужаса не могли шелохнуться.

— А знаете что? — шепнул Джеймс.

— Что?

— Что?

— Что??? — посыпалось со всех сторон.

— Ведь эта гигантская арка... они же ее красят! У них же ведра с краской и огромные кисти! Они смотрите!

И, конечно, Джеймс был совершенно прав. Теперь наши путешественники приблизились к Воздушникам настолько, что легко смогли все разглядеть. И да, действительно, у каждого Воздушника в руке была огромная кисть, и все они красили арку, причем так дружно и в такой дикой спешке, что буквально через несколько минут она вся уже сверкала, сияла и переливалась: красно-сине-зелено-желто-фиолетово!

— Да это же радуга! — вскричали все хором. —
Что же они радугу сделали!

— Ах, какая прелесть!

— И какие, главное, краски!

— Многоног! — закричали все. — Сюда! Сюда!
Что надо видеть!

Красота и яркость радуги до того всех очаровали, что они и думать забыли о том, что надо говорить потише.

Многоног осторожно высунул голову из туннеля.

— Так-так-так, — проговорил он. — Меня всегда интересовало, как делаются подобные штуки. Так-так-так. Да, но канаты зачем? При чем тут канаты?

— Они ж ее с облака сталкивают! — вдруг понял Джеймс. — И спускают к земле на канатах.

— Должен, однако, сообщить кое-что еще, — веско объявил Многоног. — Заранее извиняюсь, если я окажусь неправ, но, по-моему... по-моему, мы сейчас в нее сами врежемся!

— Ой, а ведь и верно! — вскрикнул Старый Зеленый Кузнечик.

Радуга уже повисла под облаком. А Персик плыл прямо туда, к радуге, причем на довольно-таки большой скорости.

— Мы обречены! — простонала мисс Паук, вновь заламывая ножки. — Вот она где таилась, наша погибель!

— Нет! Я не могу этого вынести! — взвыл Червяк. — Скажет мне наконец кто-нибудь или нет, что здесь происходит?

— Мы пролетим! — крикнула Божья Коровка.

— Как бы не так!

— А вот посмотрим!

— Нет!

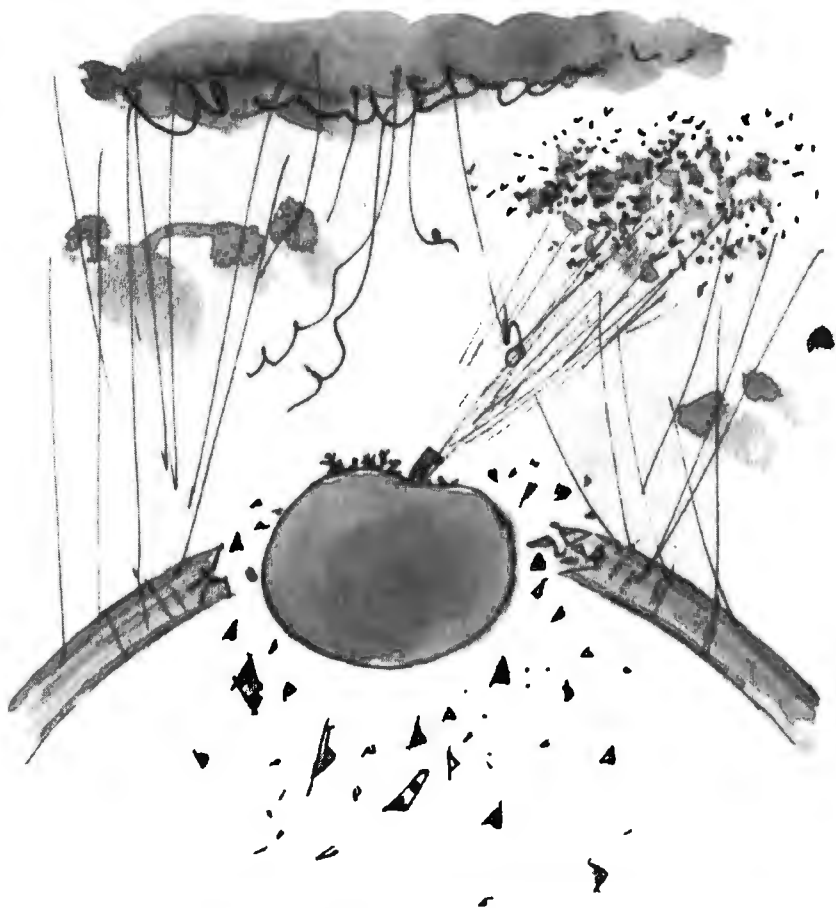
— Да!

— Нет!

— О, силы небесные!

— Ну, держитесь! — крикнул Джеймс, и тут же раздался сокрушительный удар — и Персик вломился в самую-самую верхушку радуги. И громадная радуга с ужасным треском раскололась на две огромные части.

А дальше последовала чудовищная неприятность. Канаты, на которых Воздушники спускали радугу, спутались с шелковыми веревками, на которых чайки несли Персика. И Персик запутался! Невозможно описать, какая среди пассажиров тут началась паника! Джеймс Генри Круизо поднял взгляд — и увидел лица разъяренных Воздушников, которые на него глядели с края облака. О лицах этих как-то даже и говорить не хочется, тем более что они были сплошь закрыты длинными белыми волосами. Ни тебе носа, ни рта, ни ушей — только злые черные глазки неприятно поблескивали из-под волос.

Ну, а потом — потом началось уже вообще невесть что.

Один Воздушник — волосатое чудище, выше самого высокого баскетболиста, — вдруг скакнул с облака и попробовал ухватиться за шелковую веревку над судном. Вот он полетел по воздуху, протянул руку, поймал одну веревку, вцепился в нее... А потом, очень-очень осторожно перебирая руками, он стал спускаться.

— Спасите! Помогите! — взмолилась Божья Коровка.

— Сейчас он нас съест, — и Старый Зеленый Кузнечик горько-горько расплакался.

— Отведайте сперва Червяка! — орал Многоног. — Я лично, ей-богу, почти несъедобный! Косточек — как в селедке!

— Многоног! — крикнул Джеймс не своим голосом. — Мигом! Перегрызите веревку! Ту, по которой он спускается!

Многоног бросился к мачте, взял веревку в зубы и вмиг перегрыз. И тотчас — высоко-высоко

над ними — одинокая чайка отделилась от стаи и полетела, полетела. А за ней волочилась длинная-длинная веревка. И, отчаянно вцепившись в эту веревку, громко и гадко ругаясь, по лунному небу все выше и выше летел волосатый Воздушник.

И Джеймс Генри Крузо, с восхищением наблюдавший эту сцену, удовлетворенно сказал:

— Да! Не много же весу в этом верзиле, если одна какая-то чайка несет его, как игрушечку! Весь он, наверно, сплошь из воздуха и волос...

Другие Воздушники, видя, как их товарища столь странным способом куда-то волокут, от изумления побросали канаты, державшие радугу, и обе ее половинки, естественно, сразу полетели на землю. А Персик, снова свободный, поскорее устремился прочь от такого жуткого места.

Но на этом злоключения наших путешественников не кончились. Разъяренные Воздушники бежали им вслед по облаку и швырялись в них всякой пакостью, которую даже перечислять противно. А один Воздушник ловко прицелился и вылил целую бутыль фиолетовой краски прямо на Многонога!

Многоног взревел от негодования.

— Мои ноги! — вопил он. — Они же все склеились! Я шагу не могу ступить! И глаза не открываются!

Ничего не вижу! А моя обувь! Мои ботинки! Воображаю, на что они теперь похожи!

Но в ту минуту все только о том и думали, как бы уклониться от разной пакости, которая в них летела, и никакого внимания не обращали на Многонога.

— Краска сохнет! — изнемогал Многоног. — Затвердевает! Я не в силах шевельнуть ни единой ногой! Я ничем не могу шевельнуть!

— Ну, языком-то ты шевелишь, — вздохнул Червяк. — К огромному сожалению.

— Джеймс! — стонал Многоног. — Заклинаю! Помоги мне! Смой с меня эту краску! Сотри! Ну сделай же хоть что-нибудь, Джеймс!

29

У чаек уйма времени ушла на то, чтоб оттащить Персик на безопасное расстояние от кошмарного радужного облака. Но в конце концов им это удалось, и вот тогда все обступили несчастного Многонога и принялись обсуждать, как бы выручить его из беды.

На него поистине страшно было смотреть, с головы до ног смертельно пофиолетовев, теперь, когда краска застыла, он сидел недвижно, как обмазанный гипсом. И все-все его сорок две ноги торчали вперед, словно прутики. Он что-то пытался выговорить, но губы его

не слушались. Только дикие рокочущие звуки вырывались у него из горла.

Старый Зеленый Кузнечик приблизился к Многоногу и осторожно его пощупал.

— И почему она так быстро застыла? — удивился он.

— Это радужная краска, — ответил Джеймс. — Застывает моментально и надолго.

— Ненавижу все и всяческие краски, — объявила мисс Паук. — Уф, как я их боюсь. Они напоминают мне тетю Пику — *покойную* тетю Пику, прошу прощения, — потому что, когда та в последний раз красила потолок у себя на кухне,

моя милая бедная бабушка сделала неосторожный шаг, когда краска еще не просохла, и... Всю ночь слышали мы бабушкины крики: «Помогите! Помогите! Помогите!» Сердце так и разрывалось. Но что мы могли поделать? Ничего. Зато на другой день краска совсем просохла, и тут, конечно, мы сразу бросились на потолок, к бабушке, поддерживали ее морально и покормили. Хотите верить, хотите нет, но благодаря нашей поддержке она целых шесть месяцев продержалась на потолке, вверх ногами, влипнув в краску. Правда, правда. Мы кормили ее каждый день. Потчевали свежайшими мухами, только что из сетей. И вот двадцать шестого апреля тетя Плюха — покойная тетя Плюха, прошу прощения, — глядя в потолок, вдруг увидела бабушку. «Паук! — заорала она. — Мерзкий паук! Скорей несите мне сюда тряпку на длинной палке!» И вот... О! Это такой кошмар, что дальше я просто не в состоянии рассказывать...

Мисс Паук утерла крупную слезу и печально посмотрела на Многонога.

— Бедный, — пробормотала она. — Ах, до чего мне тяжело!

— Краска очень прочная, — бодро объявил Червяк. — Теперь уж наш Многоног никогда не сможет шевелиться. Он будет лиловой статуей, и мы поставим его на почетное место посреди фонтана.

— Может, попробуем очистить его, как банан? — предложил старый Зеленый Кузнечик.

— Или наждаком потереть? — поддержала Божья Коровка.

— Или перелицевать? — и Червяк слегка улыбнулся, может быть, впервые в своей жизни. — Если он высунет язык — далеко-далеко высунет, — мы сможем ухватиться за кончик и потянуть. А если мы как следует потянем, то вывернем его наизнанку, и снаружи окажется совершенно новая кожа!

Все примолкли, обдумывая это интересное предложение.

— Я считаю, — медленно начал Джеймс, — я считаю, что лучше всего... — и вдруг умолк. — Что это? — спросил он. — Я слышу голос! Кто-то кричит!

☞ 30 ☞

Все встрепнулись и прислушались.

— Ш-ш-ш! Вот! Опять!

Но голос доносился издалека, и слов было не разобрать.

— Это Воздушники! — вскрикнула мисс Паук. — Знаю, знаю, это они! Опять они нас преследуют!

— Голос доносится сверху! — первым понял Червяк, и все задрали головы и посмотрели вверх — кроме Многонога, конечно, который не мог шелохнуться.

— О-о-о! — вскричали все. — Помогите! Спасите! Помилуйте! Караул! Мы погибли! Пропали!

Потому что прямо у себя над головами все увидели огромную черную тучу — страшную, жуткую, мрачную, роковую, грозовую тучу, и она уже начала гроыхать и реветь. А потом высоко-высоко над этой тучей опять раскатился голос, на сей раз громкий и четкий:

— Открыть краны! Открыть краны! Открыть краны!

И ровно через три секунды туча будто прорвалась снизу, как бумажный пакет, и из нее хлынула вода! Все видели, как она хлынула. Мудрено было не увидеть. Это были не какие-то вам капли дождя. Огромная, плотная водяная лавина — целое озеро, нет, даже море! — падала, падала, падала с неба, ниже и ниже, сперва обрушилась на чаек, потом на палубу — и наши бедные путешественники от страха кричали, икали, искали, за что бы такое уцепиться — за мачту, за веревки, ах, не все ли равно! — а вода все лилась, все обрушивалась, грохотала, бушевала, ревела, кипела, свистела, гудела, пугала, стегала, стекала — падала, падала, падала, как будто ты угодил в самый-самый большой на земле водопад и спасения нет! Никто слова не мог вымолвить. Никто уже ничего не видел. Никто даже дух не мог перевести. И Джеймс Генри Крузио отчаянно

сжимал шелковую веревку и говорил себе, что на сей раз — всё, конец! Но вот, так же внезапно, как начался, потоп прекратился. Все были спасены! Дивные, чудные, верные чаечки вынесли всех из водопада целыми и невредимыми! И вот Чудо-Персик опять мирно плыл по таинственному темному небу.

— Отныне я утопленник! — задыхался Старый Зеленый Кузнечик и отчаянно отплевывался.

— Я промок до нитки! — стонал Червяк. — Уж как я надеялся на свою непромокаемую кожу, и вот — весь мокрый внутри!

— Поглядите на меня! Поглядите на меня! — весело кричал Многоног. — Я совсем отмылся! Краска сошла! Я снова могу двигаться!

— А вот это плохая новость, — вздохнул Червяк.

А Многоног пустился в пляс по палубе, он выкидывал все свои сорок два коленца и орал во весь голос:

Пусть буря бушует, гремит водопад!

Ура! Паразита они не поразят!

Как я рад, как я рад, как я рад, как я рад!

Мне опять! никогда! ничего! не грозит!

Я опять паразит!

Я ура-паразит!

— Ах, довольно, хватит, — поморщился Старый Зеленый Кузнечик.

Но Многоног не унимался.
— Только посмотрите на меня! — кричал он.

Весь я гибкий, весь чудный я снова!
Ни царапинки, ни синяка!
Моя дивная кожа —
И любимая рожа —
Отнюдь не лиловые!
А в фонтане стоять —
Поищи дурака!
Поищи дурака!

31

— Как мы вдруг припустили, — заметила Божья Коровка. — Почему это, интересно?
— Ну, наверно, чайкам это место нравится не больше, чем нам, — предположил Джеймс. — Им, наверно, хочется поскорее отсюда выбраться.

Они, бедные, небось тоже натерпелись страху во время бури.

А чайки летели все быстрее, быстрее, быстрее и просто уже на немыслимой скорости несли за собою Персик. Одно за другим с обеих сторон убегали назад облака, призрачно белая в лунном свете, и не раз еще за эту ночь наши путники мельком видели Воздушников, которые копошились на облаках, занятые своей колдовской и отчасти античеловеческой деятельностью.

Один раз Персик пронесся прямо возле снеговой машины, и все разглядели, как Воздушники крутят ручку и через огромную трубу вихрем вылетает метель. Разглядели и барабаны для грома, и то, как Воздушники колотят по ним молотками. Видели фабрики стужи и урагана, видели лаборатории, где производят циклоны и антициклоны и насылают на землю, а как-то раз на одном колоссальном пышном облаке они увидели нечто вроде воздушного городка. Все облако было изрыто пещерами, и воздушные жены жарили возле них на сковородках снежки мужьям на ужин. А сотни воздушных детей носились, смеялись, кричали и катались с облачных горок на санках.

Час спустя, перед самым рассветом, наши путешественники услышали сверху странный,

тихий посвист, подняли глаза и увидели, как нечто огромное и серое, словно гигантская летучая мышь, устремилось из тьмы прямо на них. Оно парило, оно кружило над Персиком в лунном свете, тяжело хлопало крыльями и смотрело, смотрело на путешественников. А потом несколько раз вскрикнуло уныло и жутко и снова исчезло в ночи.

— Ох, поскорей бы уж утро! — еле выговорила мисс Паук, вся дрожа.

— Теперь совсем скоро! — успокоил ее Джеймс. — Смотрите, вон там уже светает.

Все притихли и стали смотреть, как над горизонтом медленно и важно встает солнце.

32

А когда совсем рассвело, все вострепнулись, расправили затекшие руки-ноги (у кого что есть, конечно), и тут Многоног, который вообще все всегда замечал раньше всех, закричал:

— Глядите! Земля! Под нами земля!

— Верно, верно! — кричали все хором, подбегая к борту и глядя вниз. — Ура! Ура! Ура!

— Ой, там же, кажется, дома!

— Да, и какое-то все громадное!

Огромный город, поблескивая в свежих утренних лучах, раскинулся под ними на расстоянии трех тысяч метров. Автомобили с такой высоты казались крохотными, проползающими вдоль улиц жучками, а уж пешеходы на тротуаре — те и вовсе были не больше точек, но их было много, и потому из них получались такие многоточия:

— Но до чего же высоченные дома! — удивилась Божья Коровка. — Никогда я таких не видывала в нашей милой старой Англии. Как вы полагаете, что это за город под нами?

— Нет, это не Англия, вообще никакая не Англия, — вздохнул Старый Зеленый Кузнечик.

— Но тогда что же это такое, по-вашему? — удивилась мисс Паук.

— А знаете, что это за дома? — и тут Джеймс даже подпрыгнул от волнения. — Это небоскребы! Что означает одно: под нами Америка! И выходит, друзья мои, мы за одну ночь перемахнули через Атлантический океан!

— Скажешь тоже!

— Вы шутите?

— Ну дела!

— Ничего себе!

— Ой, я же всегда мечтал посетить Америку, — крикнул Многоног. — У меня есть один приятель, так он...

— Умолкни! — оборвал его Червяк. — Какое кому дело до одного твоего приятеля, сам посуди! Сейчас нам надо думать о том, как... Как? Как? Как? Как нам спуститься на землю!

— Спросим у Джеймса, — предложила Божья Коровка.

— По-моему, задача не такая уж и сложная, — сказал Джеймс. — Надо отпустить нескольких чаек. Понимаете? Не всех, не многих, а как раз столько, чтоб остальные могли удержать нас в воздухе. И мы станем спускаться — постепенно, тихо, спокойно, пока не достигнем земли. Многоног будет перегрызать веревки, одну за другой.

А далеко-далеко внизу, под ними, в славном городе Нью-Йорке уже началась паника. Гигантский шар с дом величиной был замечен в самом центре Манхэттена, и все решили, естественно, что это огромная бомба, посланная вражеским государством, чтобы стереть город Нью-Йорк с лица земли. Взвыли сирены воздушной тревоги. По радио и с телевизионных экранов звучали призывы к населению — всем немедленно спускаться в бомбоубежища! Миллионы людей, которые мирно шли на работу, увидели в вышине это чудище и сразу же бросились в метро. Генералы хватали трубки и орали приказы всем, кого могли вспомнить. Мэр города Нью-Йорка — срочно! — позвонил в Вашингтон, президенту Соединенных Штатов, а тот как раз сидел в пижаме за завтраком, и он отодвинул от себя тарелку недоеденной овсяной каши и стал обеими руками нажимать на разные кнопки, вызывая своих генералов и адмиралов. И по всей, по всей Америке, по всем пятидесяти штатам, от Флориды до Аляски, от Пенсильвании до Гавайских островов, была объявлена воздушная тревога и разнесся слух, что бомба, величайшая в истории

человечества, висит над городом Нью-Йорком и вот-вот взорвется.

34

— А ну-ка, Многоног, перегрызите первую веревку, — приказал Джеймс.

Многоног тотчас ухватил зубами шелковую веревку и перегрыз. И опять — правда, на сей раз не волоча за собой разъяренного Воздушника, — одинокая чайка отделилась от стаи и улетела.

— А теперь — вторую! — был отдан приказ.

Многоног перегрыз вторую веревку.

— Почему же мы не спускаемся?

— А вот и спускаемся!

— А вот и нет!

— Не забудьте, сейчас наше судно намного легче, чем тогда, когда мы отправлялись. Ядра града — помните? — пробili наш Персик во многих местах, и он потерял много сока. Отпустите еще двух чаечек, Многоног!

— Ого! Так-то оно лучше!

— Поехали!

— Теперь точно снижаемся!

— Отличная работа! Но повремените, Многоног! Иначе мы рухнем! Все идет как по маслу!

Медленно, медленно Персик опускался с высоты, и дома и улицы становились все ближе и ближе.

— Как вы полагаете, поместят теперь наши фотографии в газетах? — волновалась Божья Коровка.

— Эхма! Я же совсем забыл почистить ботинки! — вскрикнул Многоног. — Срочно! Все на выручку! Мне одному не управиться!

— Да что же это такое, в конце-то концов! — возмутился Червяк. — Неужели же нельзя ну хотя бы раз в жизни...

Но ему не суждено было закончить свою мысль. Потому что вдруг раздалось: — ...ж-ж-ж-ж-ж!.. — и они посмотрели вверх и увидели, что огромный самолет вынырнул из-за ближайшего облака и несется прямо на них! А это всего-навсего пассажирский авиалайнер Чикаго — Нью-Йорк совершал свой ежеутренний рейс. И, пролетая у них над головами, он совершенно случайно прорвал шелковые веревки — все до единой, — и чайки все разлетелись, и Чудо-Персик, который уже никто-никто не удерживал, стал падать,

падать,

падать,

неудержимо

падать вниз.

— Помогите! — орал Многоног.

— Спасите! — стонала мисс Паук.

— Мы обречены! — причитала Божья Коровка.

— Это конец! — рыдал Старый Зеленый Кузнецик.

— Джеймс! — кричал Червяк. — Сделай что-нибудь! Ну хоть что-нибудь, Джеймс!

— Не могу! — крикнул Джеймс. — Простите меня! Прощайте! Теперь уж недолго осталось!

35

Кружа, кружа, опрокидываясь, Персик падал, падал на землю, и все отчаянно цеплялись за стебель, чтобы их не разметало в пространстве.

Он падал все быстрее, все быстрее и быстрее. Вниз, вниз, вниз, ближе, ближе, ближе к домам и улицам, а там — там, конечно, он разобьется и разлетится вдребезги. И по всей Пятой авеню, по всем улицам города, все время, пока падал Персик, люди, еще не успевшие добежать до бомбоубежищ, глянув вверх, застывали на месте и думали, что это самая громадная бомба на всем белом свете падает им на головы. Некоторые женщины голосили. Другие опускались на колени и громко молились. Сильные взрослые мужчины поворачивались друг к другу и говорили что-то в таком роде: «Ну, вот и всё, Джо», или: «Прощайте, прощайте, все-все прощайте». И в следующие тридцать секунд Город затаил дыхание, ожидая конца.

— Прощайте, Божья Коровка, — вздохнул Джеймс, отчаянно вцепившись в палубу падающего судна. — Прощайте, Многоног! Все, все прощайте!

Падать оставалось всего несколько секунд, и было понятно, что брякнутся они как раз между самых высоких зданий. Джеймс видел, как навстречу стремительно несутся небоскребы, и у всех такие плоские крыши, и только у одного — самого высокого — острый шпиль, который, как длинная серебряная игла, вонзается в небо.

И вот именно на эту самую иглу Персик и угодил!

Р-р-р-раз! Игла глубоко впилась в мякоть. И Чудо-Персик повис на шпиле самого-самого высокого небоскреба во всей Америке, который называется Эмпайр-стейт-билдинг.

Вот это было зрелище! И спустя несколько минут жители Нью-Йорка, сообразив, что никакая это не бомба, повысыпали из убежищ и повывагали из метро, чтобы поглазеть на невиданное чудо. Народ запрудил все улицы на километры кругом, а когда пронесся слух, что по огромному

шару двигаются какие-то живые существа, поднялось прямо-таки несусветное волнение.

— Это летающая тарелка! — раздавались голоса.

— Это инопланетяне!

— Марсиане!

— Да они просто с луны свалились!

А один человек, который смотрел в бинокль, прищелкнул языком и сказал:

— Оч-чень мне все это не нравится! Уверяю вас — оч-чень!

Со всех концов города примчались полицейские и пожарные машины, и они окружили Эмпайр-стейт-билдинг. Двести пожарных и пятьсот полицейских бросились внутрь здания и поднялись на самый верх — куда только доходят лифты. А уж там они повывлезали на крышу (где обычно стоят туристы) и столпились у самого шпиля.

Все полицейские держали оружие наготове, пальцы на спусковых крючках, а все пожарные сжимали в руках шланги. Но с того места, где они стояли, они, конечно, совершенно не могли разглядеть наших путешественников.

— Эй вы, там! — крикнул наконец Начальник Полиции, — а ну, спускайтесь! Покажитесь! Вы не имеете права!

И тогда огромная голова Многонога показалась из-за края Персика. Черные глаза, огромные и круглые, как два блюда, разглядывали

полицейских и пожарных. И вот эта жуткая физиономия расцвела в широченной улыбке.

Среди полицейских и пожарных поднялся переполох. Они закричали, все разом, перебивая друг друга:

— Осторожно! Это Дракон!

— Никакой не Дракон! Брандахлыст!

— Дракула-Каракула!

— Типичнейший Бармалей!

— Горгонавт!

— Минозавр!

Трое пожарных и пятеро полицейских попали в обморок, и пришлось их срочно унести.

— Это Киловатт! — кричал Самый Главный Пожарный.

— Это ужаснейшее, это наибольшее из всех аэрозолей! — стонал Начальник Полиции.

А Многоног знай себе ухмылялся. Он, по-видимому, был весьма польщен всеобщим вниманием.

— Послушайте! — крикнул Начальник Полиции, рупором приложив руки ко рту. — Сообщите, откуда вы явились! Я требую!

— Явились мы издалека. Пролетели тысячи и тысячи километров! — крикнул в ответ Многоног, еще шире осклабившись и показывая все свои жуткие зубы.

— А! — сказал Начальник Полиции. — А я что говорил? Я же сказал — марсиане!

— Да, вы, по-видимому, попали в точку, — признал Самый Главный Пожарный.

И тут рядом с головой Многонога из-за Персика высунулась голова Старого Зеленого Кузнечика. Еще пятеро смельчаков попадали в обморок при виде такой картины.

— Ой! Это же Вампир! — крикнул Самый Главный Пожарный. — Одно слово — Вампир!

— Или Барабек, в лучшем случае! — завопил Начальник Полиции. — Всем — шаг назад! Он в любой момент может на нас наброситься!

— О чем они там толкуют? — осведомился у Многонога Старый Зеленый Кузнечик.

— Что-то я пока не врубаюсь, — отвечал Многоног. — Но, по-моему, это психи ненормальные.

— Ну всё! Теперь нам крышка! — крикнул Самый Главный Пожарный. — Это самая настоящая Вампука!

— Хуже! — крикнул Начальник Полиции. — Это ядовитоподонистый, дикопоганистый Гад!

— Это который десятками поедает взрослых людей на завтрак? — и Самый Главный Пожарный побелел как полотно.

— Боюсь, это именно он, — еле выговорил Начальник Полиции.

— Боже мой, но почему же никто не поможет нам спуститься отсюда? — раздался громкий крик мисс Паук. — У меня уже голова закружилась!

— Это военная хитрость! — предупредил Самый Главный Пожарный. — Всем стоять по своим местам! До моего особого распоряжения!

— Возможно, у них космическое оружие, — пробормотал Начальник Полиции.

— Но мы обязаны что-то предпринять, — хмуро заметил Самый Главный Пожарный. — Там, внизу, пять миллионов человек собралось, и все смотрят на нас.

— Тогда, собственно, почему бы нам не приставить лестницу к шпилью? — предложил Начальник Полиции. — Я готов ее подержать, пока вы взберетесь наверх — посмотреть, что там происходит.

— Покорнейше благодарю, — любезно ответил Самый Главный Пожарный.

А тем временем уже семь огромных фантастических физиономий — ни больше, ни меньше! — выглядывали из-за Персика: Многоног, Старый Зеленый Кузнечик, мисс Паук, Червяк, Божья Коровка, Шелковичник и Жук-Светляк. И среди пожарных и полицейских на крыше поднялась настоящая паника.

И вдруг паника прекратилась, и у всех вырвался удивленный вздох. Потому что рядом с фантастическими существами показался маленький мальчик. Волосы у него развевались на ветру, и он смеялся и кричал:

— Привет! Привет! Здравствуйте!

Несколько секунд пожарные и полицейские стояли молча, разинув рты. Они буквально глазам своим не могли поверить.

— Елки-палки! — крикнул наконец Самый Главный Пожарный и даже весь покраснел. — Да это же просто-напросто маленький мальчик, ведь правда?

— Да вы не бойтесь нас, ну пожалуйста! — крикнул Джеймс. — Мы так рады, так рады вас видеть!

— Ну, а эти, с тобой которые? — крикнул Начальник Полиции. — Они не опасны?

— Ой, да что вы! — крикнул Джеймс. — Это же милейшие создания на свете! Позвольте их вам представить, одного за другим, и вы сами убедитесь.

Итак — знакомьтесь: Многоног.
Танцует и поет, как бог.
Так мил и образован он,
Что первым делом телефон
Хватал Испании король,
Чтоб пригласить его на роль
Детей наставника и друга,
Когда он сам, причем с супругой,

Бывал нежданно зван на бал.
(Один пожарный тут сказал:
«Король — ведь он же ВИП, а
Так чтит этого типа».)

Я мог бы часами хвалить Червяка.
Он полон достоинств. Замечу пока,
Что носом рыть землю
Он редкий мастак,
И, при вашей цивилизации,
Безусловно, послужит вам так:
Он блестяще проложит туннели метро,
А по части канализации —
Он буквально находка, образец, идеал.
(Тут Червяк приосанился, покраснел,
просиял,
А мисс Паук сказала:
«Недурно для начала».)

Вот Кузнечик, наш скромный герой
И скрипач. Его дивной игрой
Вы успеете насладиться.
Он играет без репетиций,
Но за пояс заткнет виртуоза,
И при этом чужда ему поза.
Он не знает интриг и коварных затей,
И готов стать игрушкой для ваших детей,
И без ключика заводиться.
Только слово скажи — и он скачет,
Скачет, скачет и скачет. («Так значит, —
Догадался Начальник Полиции, —
Тут всё больше солидные лица!»)

Светляк! На вид не слишком шустрый,
Но! Если станет вашей люстрой,
Вам лампочек уже не нужно —
Совсем! Буквально! Никогда!

Ни для торшеров! Ни для бра!
Не верите? Ей-богу — да!
(Тут все провозгласили дружно:
«Ура! Ура! Ура! Ура!»
Вот это клад! Вот это чудо!
Вот уж светило так светило!
Не то что звезды Голливуда,
Ну их на мыло!»)

Мисс Паук артистично и ловко
Изготовит не только веревку,
Но и кружево, но и канат,
И — в отличие от бездарности —
Не ища ни чинов, ни наград,
А лишь ради людской благодарности.
Мисс не терпит ни единой цитаты —

Ни такта!
Из обидной, бестактной кантаты:
*«На паркете в восемь пар
Мухи танцевали,
И, завидя паука,
В обморок упали».*
И, забывши дразнилку отвратную,
Я прошу вас запомнить обратное:
*«Не убий паука, ибо это
Очень-очень плохая примета».*
Я, конечно, в приметы не верю, но
Данная, к сожалению, проверена
На моих тете Плюхе и Пике.
(Раздались удивленные крики.)
А вот Божья Коровка,
Не правда, ли мила?
Опорой нашей главной

В пути она была.
Она добра, воспитанна,
Она надежный друг!
(«Она очаровательна!» —
Вскричали все вокруг.)

Вот Шелковичник, шелк его
Прекрасней в мире всех шелков.
Какое это мастерство!
Мне просто не хватает слов!
Не знают этого изыска

Аляска, Дублин, Сан-Франциско.
Что говорить! В самом Китае
Такого шелка не бывает.
Но он не одевает всех
Направо и налево.
Вот, например, на Рождество
Для нашей Королевы
Он платье сплел. Большой успех
Она имела в платье!
И даже более того!
И... что хотел сказать я?
Ах, да! Вчера он сплел жилет
Для президента Штатов!
(«Чего тут ждать? Терпенья нет!
Спускайтесь на канатах! —
Тут закричали снизу. —
Спасибо, Джеймс Крузо!»)

38

Не прошло и пяти минут, как все благополучно спустились, и Джеймс подробно рассказал свою историю ошеломленным официальным лицам.

И вот наши путешественники стали звездами! Стали героями! Их препроводили в здание муниципалитета, где мэр города Нью-Йорка произнес приветственную речь. А пока он ее произносил, сотни верхолазов с помощью

лестниц и веревок взобрались на Эмпайр-стейт-билдинг, Чудо-Персик сняли со шпилья и спустили на землю.

Тут мэр воскликнул:

— Мы должны устроить нашим высоким гостям торжественную встречу!

И тотчас была организована процессия, и в самой первой машине (это был открытый лимузин) сидел Джеймс Круизо и все его друзья.

За ними следовал сам Чудо-Персик. Без особого труда — при помощи подъемного крана — его водрузили на огромный грузовик, и там он сидел, как всегда, с важным, гордым и независимым видом.

Правда, внизу у него, после сидения на шпилье, была довольно-таки порядочная дырка, но кто на это обращал внимание? И кто обращал внимание на то, что из дырки этой прямо-таки хлестал персиковый сок?

Следом за Персиком, расплескивая лужи сока, катил лимузин мэра, а дальше — лимузинов двадцать, не меньше, с самыми выдающимися представителями города Нью-Йорка.

Кругом ликовали толпы. Люди запрудили улицы, свешивались из окон небоскребов, кричали «Ура!», аплодировали, забрасывали наших героев серпантином, а Джеймс и его друзья стояли, махали руками (у кого есть, конечно), и кивали, и улыбались в ответ.

А потом произошла такая забавная история. Процессия торжественно плыла по Пятой авеню. И тут одна девочка в красном платье выбежала из толпы и закричала:

— Ой, Джеймс! Джеймс! А можно, я попробую твой персик? Ну, пожалуйста, Джеймс!

— Угощайся на здоровье! — крикнул Джеймс. — Ешь, сколько влезет! Что нам, солить его, что ли?

И не успел он это сказать, как десятки мальчиков и девочек выскочили из толпы и бросились к Персику.

— А мы? А нам? Тоже можно?

— Ну конечно! — кричал Джеймс. — Конечно! Конечно!

И ребята влезали на грузовик и ели, ели, ели спелый, сочный фрукт, ели до отвала. Приятная новость неслась с улицы на улицу. И со всех сторон сбегались дети. И скоро за Чудо-Персиком уже бежала целая очередь в километр длиной. Многие взрослые прямо не знали, что и подумать. Ну а Джеймс, который даже представить себе не мог, что на свете так много мальчиков и девочек, — Джеймс был совершенно счастлив.

Когда церемония торжественной встречи подошла к концу, гигантский фрукт был — весь!!! — съеден, и в грузовике осталась только громадная коричневая персиковая косточка.

Вот так и закончилось это удивительное приключение. А наши путешественники стали жить себе поживать в Нью-Йорке. И каждый по-своему добился успеха и прославился на своей новой родине.

Многоног стал вице-президентом престижной фирмы по продаже обуви самого высшего качества.

Червяк благодаря своей безупречно гладкой розовой коже стал постоянным участником телевизионной рекламы, пропагандируя самые лучшие кремы для лица.

Шелковичник и мисс Паук организовали совместное предприятие по выделке канатов для канатоходцев.

Жук-Светляк был призван освещать статую Свободы и сэкономил благодарным согражданам такие огромные деньги на оплате счетов за электричество, что даже и не подсчитать.

Старого Зеленого Кузнечика пригласили в Нью-Йоркский симфонический оркестр, но по-настоящему он отличился, прямо-таки ошеломил публику, на своих блистательных сольных концертах.

Божья Коровка, которую всю жизнь донимал страх, что дом ее горит и там, как в клетке, горят ее детки, вышла замуж за Самого Главного

Пожарного и наконец-то обрела и счастье, и покой.

Ну, а громадную персиковую косточку — ту поставили на почетное место в Центральном парке. И стала она знаменитым монументом. Да не просто знаменитым монументом, а еще и знаменитым домом. И поселился в этом знаменитом доме знаменитый человек —

ДЖЕЙМС ГЕНРИ КРУИЗО ЛИЧНО.

И в любой день туда можно постучаться, и вам отворят дверь, пригласят войти и полюбоваться знаменитой комнатой, где Джеймс впервые встретил своих друзей. А иногда — если очень повезет — там можно застать Старого Зеленого Кузнечика, мирно дремлющего в кресле у камелька, или Божью Коровку, залетевшую поболтать за чашечкой чая, а то и Многонога, явившегося продемонстрировать партию особенно элегантных ботинок.

И вот каждый день, каждый день сотни мальчиков и девочек стали приходить в Центральный парк, иные очень издалека, чтобы увидеть знаменитую персиковую косточку. И у Джеймса Генри Круизо, который — помните? — был когда-то самым несчастным, самым печальным и одиноким мальчиком, друзей завелось больше,

чем у кого бы то ни было на всем белом свете. И все они вечно просили — еще, еще, еще! — рассказать историю невероятных приключений на Чудо-Персике. И наконец он решил, что проще будет сесть и написать про все это книжку.

Так он и сделал.

И эту книжку вы только что прочитали.

Литературно-художественное издание
СЕРИЯ «РОАЛЬД ДАЛЬ. ФАБРИКА СКАЗОК»

Даль Роальд

ДЖЕЙМС И ЧУДО-ПЕРСИК

Для младшего и среднего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29.12.2010
маркируется знаком **6+**

Иллюстрации Квентина Блейка

Перевод с английского Елены Суриц

Литературный редактор Екатерина Пташкина

Корректор Марина Нагришко

Выпускающий редактор Светлана Злобина-Кутявина

Директор издательства Ирина Балахонова

Книга — почтой

samokat.post@gmail.com

+7 (915) 164-52-57

Отдел продаж

+7 (499) 922-85-95

samokat.zakaz@gmail.com, samokat.ish@gmail.com

Почтовый адрес:

ООО «Издательский дом «Самокат»

101000, Москва, а/я 487

Тел. +7 (495) 506-17-38

info@samokatbook.ru, www.samokatbook.ru

Книги по издательским ценам можно приобрести по адресу:

Москва, Малая Ордынка 13, стр. 3 (2 этаж)

или в интернет-магазине «ФрекенБукс» www.frekenbooks.ru

Подписано в печать 15.12.2016

Формат издания 60х84/16

Печать офсетная. Бумага финская офсетная пухлая (Classik)
компании Stora Enso

Усл. печ. л. 10,23. Тираж 4000 экз.

Заказ № 4533.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Роальд ДАЛЬ

АХАП ЕРЕЧ

Мистер Хоппи влюблен в соседку, миссис Силвер. Она же влюблена в Элфи, свою черепаху. И совсем не замечает мистера Хоппи. А тот слишком стесняется, чтобы как-то привлечь ее внимание. Но он нашел путь к ее сердцу... И разработал грандиозный план, чтобы его завоевать!

6+

Объем 72 с.
Для младшего и среднего
школьного возраста

Объем 72 с.
Для младшего школьного
возраста

6+

Роальд ДАЛЬ

ВОЛШЕБНЫЙ ПАЛЕЦ

Для семьи Крэгов охота — просто развлечение. А восьмилетняя девочка, которая живет по соседству, ненавидит охоту. Когда девочка очень-очень рассержена, через нее как будто проходит электрический разряд и указательный палец ее правой руки начинает жутко дергаться... И на этот раз Волшебный палец превращает Крэгов в уток!

Истории творят добро

Роальд Даль был шпионом, классным лётчиком-истребителем, создателем истории шоколада и автором медицинских изобретений. А еще он придумал «Чарли и шоколадную фабрику», «Матильду», «БДВ» и много других отличных историй. Он до сих пор считается сказочником № 1 в мире.

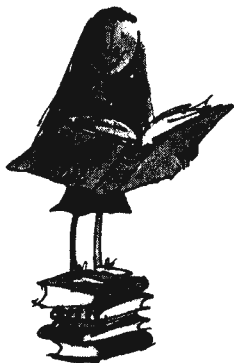
Роальд Даль говорил:

«Когда у человека в голове хорошие мысли, лицо у него сияет как солнце — и он всегда прекрасно выглядит».

Мы уверены, что надо творить добро.

Поэтому десять процентов прибыли Роальда Даля* перечисляется в благотворительные организации.

Куда идут эти средства? Например, на оплату медсестёр для тяжелобольных детей; на помощь нуждающимся семьям; на развитие просветительских программ. Спасибо за помощь в этой важной работе.

Подробности на сайте roalddahl.com.

*The Roald Dahl Charitable Trust —
благотворительная организация,
зарегистрированная в Великобритании
(№ 1119330)*

** Все авторские выплаты и доходы от роялти
перечисляются без комиссии сторонних
организаций.*

сложит в нее

www.roalddahl.com

Где из пожек
комара
Абракадабра!
Блошиная уха
Где это мы

Гигантский злой носорог из Лондонского зоопарка проглотил родителей Джеймса. И это еще не все! Джеймс должен жить со своими по-настоящему ужасными тетями. Бедный мальчишка несчастен. Но однажды с ним приключается немыслимо странная вещь, и Джеймс попадает в самое невероятное приключение, какое только можно вообразить!..

ERIC

6

Отлично! Купив эту книгу, ты помогаешь другому ребенку.
10% прибыли Роальда Даля перечисляется
благотворительным организациям.
Подробнее на сайте roalddahl.com.

Знакомьтесь

Джеймс
Крунзо

и его тети Пика
и Плюха

www.samokatbook.ru

www.roalddahl.com

Сказочный золотой
Желе из ножек
комара
воздушный шар
Абракадабра!
Блошиная уха Где это мы?

Гигантский злой носорог из Лондонского зоопарка проглотил родителей Джеймса. И это еще не все! Джеймс должен жить со своими по-настоящему ужасными тетями. Бедный мальчик несчастен. Но однажды с ним приключается немыслимо странная вещь, и Джеймс попадает в самое невероятное приключение, какое только можно вообразить!..

EAC

6+

Отлично! Купив эту книгу, ты помог другому ребенку.
10% прибыли Роальда Даля перечисляется
благотворительным организациям.
Подробнее на сайте roalddahl.com.